

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
МЕЖДУ КОРРУПЦИЕЙ
И ПРОИЗВОЛОМ**

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ОПРОСОВ**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. ТЕКУШЕВА И К. ШЕВЧЕНКО**

**Издательство
MEDIUM-ORIENT INFORMATION AGENCY**

Прага 2018

ISBN 978-80-907077-1-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Ислам Текущев. Северный Кавказ: протесты на фоне падения авторитета власти	16
Кирилл Шевченко. Северный Кавказ в зеркале общественного мнения в 2017 году	69
Танзила Чабиева. Ингушетия в зеркале общественного мнения в 2017 году	99
Ислам Текущев. Кабардино-Балкарья в зеркале общественного мнения 2017	121
Кирилл Шевченко. Социокультурная и политическая специфика Дагестана в отражении социологических опросов.....	155
Заключение.....	186
Сведения об авторах.....	195

Введение

Резко обострившееся в последние годы международное противостояние и нарастание кризисных явлений в России оказывают самое непосредственное влияние на ситуацию в северокавказских республиках Российской Федерации. Эксперты по Кавказу едины в том, что, являясь наиболее сложным в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении регионом России, Северный Кавказ «очень чутко и порой гипертрофированно реагирует на каждый общероссийский кризис».¹ Современное положение на Северном Кавказе, всесторонний анализ которого содержится в данной книге, в очередной раз подтверждает правильность этого наблюдения.

Традиционная и крайне болезненная для России проблема – качество и эффективность власти в отношениях между властью и народом – на Северном Кавказе в силу местного исторического наследия и этнокультурных особенностей приобретает особенно острый и взрывоопасный характер. По мнению многих авторитетных экспертов, в современной рыночной России уже выстроено общество классического социал-дарвинизма, функционирующее по принципу «выживает сильнейший», имею-

¹ Дегоев, В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М., 2009. С. 38.

щее своим основным приоритетом извлечение прибыли и отличающееся глубокой социальной и ментальной пропастью между «верхами» и «низами». Так, по подсчетам признанных историков, если в Российской империи в начале XX века незадолго до потрясений 1917 года доходы 10% наиболее обеспеченных людей превышали доходы 10% самой бедной части населения в 5,8 раз (децильный коэффициент), то в современной России эта разница в доходах самых богатых и самых бедных достигает 16 раз.²

Таким образом, уровень социального неравенства в современной Российской Федерации достиг чудовищных размеров, даже по официальным данным, превысив уровень неравенства в царской России начала XX века почти в 3 раза. Это сомнительное достижение современной российской власти выглядит особенно двусмысленно и нелицеприятно на фоне столетия российских революций 1917 года, заставляя вспомнить известный афоризм У. Шекспира о том, что «прошлое – черновик будущего». Навязываемая населению России социал-дарвинистская модель особенно тяжело приживается на Северном Кавказе, вызывая целый ряд негативных побочных процессов.

В российском медийном пространстве в целом, в новостных программах ведущих телеканалов в частности, где контентно доминирует криминальная

² Никонов, В. Крушение России. 1917. Москва: Издательство АСТ, 2015. С. 36.

хроника и стихийные бедствия, северокавказские республики периодически упоминаются лишь в контексте имевших там место непременно успешных антитеррористических операций либо природных катализмов. Регулярные победные реляции российских СМИ о бесконечных успехах силовых структур в борьбе с северокавказским террористическим подпольем, однако, являются косвенным свидетельством того, что нынешняя социальная среда в северокавказских республиках России постоянно порождает, питает и воспроизводит террористическую активность.

Вдумчивый, системный и заинтересованный анализ сложных социальных процессов, имеющих место на Северном Кавказе, полностью отсутствует, и широкая общественность не только в России, но и на самом Северном Кавказе имеет крайне слабое представление о северокавказских реалиях и корнях существующих там проблем. Между тем, сделанный авторитетными экспертами более десяти лет назад неутешительный диагноз ситуации на Северном Кавказе отнюдь не утратил своей актуальности и в наши дни. Так, по мнению признанных кавказоведов, «с 1991 года идет медленный, но верный процесс утраты Россией своего суверенитета на Северном Кавказе», имеет место «фактический выход региона из государственно-правового поля Российской Федерации... «Приватизировав» общефеде-

ральные правовые нормы, люди, облаченные властью, ставят подведомственную им территорию вне пространства российской государственности».³

Характеризуя непростые отношения между властью и обществом в северокавказских республиках, В. Дегоев и Р. Ибрагимов констатируют: «Коррумпированной власти не дано быть сильной по определению. Прекрасно это понимая, она старается максимально вооружиться против ненавидящего её общества поддержкой Москвы, раздутыми штатами силовых министерств, союзом с местными олигархическими (читай – криминальными) структурами, прямым или закамуфлированным подкупом клановых лидеров, религиозных авторитетов...».⁴

Смысл существования и приоритеты северокавказских политических элит, заключающиеся в максимализации материальных дивидендов и в собственном расширенном воспроизводстве, определяют специфику их отношений с федеральным центром. По мнению экспертов, «для обеспечения бесперебойности работы административно-коррупционной машины этнократизированная власть идет на любые ухищрения. Ей важно убедить Кремль в том, что она незаменима в данных обстоятельствах. Именно поэтому «данные обстоятельства» создаются искусственно... Местной этнократической и

³ Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 7.

⁴ Там же.

криминализированной власти атмосфера чрезвычайщины нужна, как воздух. Это один из способов оправдать свое существование, доказать Кремлю свою незаменимость и заставить его не только смотреть сквозь пальцы на творящийся на местах административно-судебный произвол, но еще и платить этнократам дань за их лояльность к центру. Свой излюбленный девиз – «нельзя раскачивать лодку!» - северокавказские феодальные князья адресуют прежде всего Москве. А та рада его повторять, делая вид, будто не понимает, что за этим кроется элементарный шантаж».⁵

Важной отличительной чертой современных политических элит в республиках Северного Кавказа является то, что принцип отбора и расстановки кадров на ключевые государственные должности определяется не профессиональными и деловыми качествами, а личной преданностью, лояльностью и родственными связями. В результате политические элиты Северного Кавказа, достигнув виртуозного мастерства в реализации коррупционных проектов и выкачивании бюджетных средств, оказываются совершенно беспомощными в решении все более острых социально-экономических вопросов и конкретных проблем в сфере здравоохранения, образования и местного хозяйства. Нельзя не согласиться с тем, что власть на Северном Кавказе «не делает порой

⁵ Там же. С. 8.

даже элементарного из того, к чему она призвана ис-
покон веков».⁶ В условиях коллапса местной про-
мышленности, галопирующей безработицы и массо-
вого трудовой миграции населения из северокавказ-
ских республик недееспособность местных властей
выглядит все более нетерпимой и скандальной.

Впрочем, северокавказским чиновникам есть
чему поучиться у их продвинутых столичных кол-
лег, в совершенстве овладевших искусством вирту-
озного расхищения бюджетных средств. Об астро-
номических объёмах разворовываемых на феде-
ральном уровне бюджетных денег красноречиво
свидетельствует пример скромного руководителя
одного из московских театров господина Серебрен-
никова, который, не имея «театрального образова-
ния, без конкурса и каких-либо внятных мотивиро-
вок оказывается руководителем театра».⁷ Модный в
столичных кругах театральный режиссер, просла-
вившийся спектаклями, где герои изъяснялись ис-
ключительно ненормативной лексикой, был обви-
нен в хищении 68 миллионов рублей, что, по дан-
ным следственных органов, стало возможным в ре-
зультате тесных связей режиссера с министерством
культуры России.⁸ Если скромный театральный
функционер, пользуясь связями в «верхах», сумел
играючи похитить 68 миллионов рублей (!) бюджет-

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Литературная газета. 6-12 сентября 2017. № 35.

⁸ Там же.

ных денег, то можно представить, какими астрономическими суммами оперируют высокопоставленные чиновники из структур исполнительной власти. Определенное представление о молодецком коррупционном размахе чиновников правительственного уровня дает пример бывшего федерального министра экономики господина Улюкаева, попавшегося на взятке в два миллиона долларов. Созданная в России коррупционная матрица охватывает и Северный Кавказ, где власть имущие сплошь и рядом пытаются найти решение своих проблем во всевозможных финансово-экономических манипуляциях.

**СТАЛКИВАЛИСЬ ЛИ ВЫ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ
КОРРУПЦИИ В ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПО-
СЛЕДНИЙ ГОД?**

(май – июнь 2017 г.)

(Кабардино-Балкария, Ингушетия, Дагестан)

ДА, СТАЛКИВАЛСЯ / СТАЛКИВАЛАСЬ	46,8%
НЕТ, НЕ СТАЛКИВАЛСЯ / НЕ СТАЛКИВАЛАСЬ	45%
ЗАТРУДНЯЮСЬ С ОТВЕТОМ	8,2%

Накапливающиеся и нерешаемые социально-экономические проблемы, неэффективность и коррумпированность властных структур, резкое социальное расслоение и отсутствие зримых позитивных перспектив ведут к нарастанию разрыва между вла-

стью и обществом, как следствие - усилению протестных настроений. Эти настроения часто проявляются в форме либо социальной апатии, характерной прежде всего для старшего поколения, либо социальной агрессии, свойственной наиболее активной и динамичной части молодежи. По наблюдениям авторитетных экспертов, «молодежь... оказалась уязвимой перед натиском низкопробной субкультурной продукции. Произошла тотальная десакрализация и дегуманизация всего того, что нужно беречь как зеницу ока. Жизнь стала театром абсурда, а патология – нормой жизни».⁹

Ситуация усугубляется еще и тем, что возникший в результате развода СССР и дискредитации коммунистического проекта идеологический вакуум наполняется, вопреки либеральным ожиданиям, не демократическими «общечеловеческими» ценностями, а реанимированными, агрессивными, этноцентристскими стереотипами. Длительное время насаждаемые в России либеральные и рыночные идеи, предполагающие свободную конкуренцию между людьми, спровоцировали на Северном Кавказе «возрождение деструктивных социально-культурных кодов и поведенческих норм, принятых в патриархально-родовую эпоху».¹⁰ То обстоятельство, что современные носители этих «деструктив-

⁹ Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 18.

ных социально-культурных кодов» на Кавказе вооружены суперсовременными гаджетами, являясь постоянными и весьма продвинутыми пользователями социальных сетей, придает данному процессу особую взрывоопасность.

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ СОБЛЮДАЮТСЯ В ПОЛНОЙ МЕРЕ?

(май – июнь 2017 г.)

(Кабардино-Балкарья, Ингушетия, Дагестан)

ДА, СОБЛЮДАЮТСЯ В ПОЛНОЙ МЕРЕ	12,7%
НЕТ, НЕ СОБЛЮДАЮТСЯ	38,8%
СКОРЕЕ СОБЛЮДАЮТСЯ	16,6%
СКОРЕЕ НЕ СОБЛЮДАЮТСЯ	28,9%
ЗАТРУДНЯЮСЬ С ОТВЕТОМ	3%

Еще одной важной отличительной чертой северокавказских республик, да и всех постсоветских государств в целом, является весьма вольное, подчас бесцеремонное обращение с историческим прошлым и энергичное конструирование и тиражирование агрессивных этноцентристских мифов с совершенно определенными политическими целями. Давно замечено, что именно с помощью профессиональных историков современные элиты «изобре-

тают и конструируют историко-культурную традицию, чтобы утвердить свой статус и легитимность».¹¹ Общеизвестно, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. Историческая наука традиционно выступает в роли эффективного и респектабельного инструмента легитимизации действий политических элит. Как иронично заметил по этому поводу известный историк-кавказовед, самый простой и быстрый способ «удовлетворить естественную духовную потребность малого народа в большой истории – придумать ее».¹²

Между тем «придумывание истории» моментально принимает весьма уродливые формы мифотворчества с явным привкусом примитивного этноцентризма. Специфика Северного Кавказа заключается именно в том, что воспроизводство и насаждение здесь агрессивных этноцентристских мифов, подразумевающих создание образа врага в лице соседей и перетягивание «исторического одеяла» на себя, здесь особенно опасно в силу исторически сложившейся полиэтничности и поликонфессиональности данного региона, где так легко нарушить хрупкий этнокультурный баланс.

¹¹ Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социальнокультурной антропологии. М., 2003. С. 124.

¹² Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Том 1. Составители: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2011. С. 4.

Упомянутые выше наиболее острые проблемы Северного Кавказа нашли свое непосредственное отражение в результатах недавнего, масштабного социологического исследования населения Северного Кавказа. Предлагаемая читателю книга содержит анализ уникальных данных, полученных в результате социологического опроса жителей Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Дагестана в мае-июне 2017 года. Всего в ходе опроса было опрошено 1119 человек по репрезентативной выборке, отражающей основные демографические характеристики населения данного региона. В процессе исследования выяснялось отношение респондентов к различным властным структурам федерального и республиканского уровня, включая отношение к президентской власти, к парламентам, различным силовым структурам на общефедеральном и местном уровне, а также к неправительственным организациям, прессе и к церкви. Кроме того, опрос позволил выявить социально-экономическое самочувствие населения Северного Кавказа и его ожидания. Примечательно, что полученные в ходе исследования результаты в значительной степени подтверждают сделанные ранее тревожные экспертные оценки ситуации на Северном Кавказе.

Книга открывается обзорной главой, анализирующей наиболее значимые процессы в жизни северокавказских республик за последние годы, вклю-

чая уникальную информацию о том, как эхо сирийской войны отозвалось на российском Северном Кавказе, поставив в повестку дня проблему сирийских беженцев черкесского происхождения и в очередной раз актуализировав «черкесский вопрос». Последующие главы содержат детальный и всесторонний анализ данных, полученных в ходе социологических опросов в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Представленный в книге материал, полученный в ходе полевых исследований, выявляет целый ряд существенных особенностей, характеризующих социальное самочувствие населения Северного Кавказа, что позволяет лучше понять смысл и причины, происходящих в данном регионе процессов.

**В ЧЕМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СОСТОИТ САМАЯ АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ? (май - июнь 2017 г.)
(Кабардино-Балкарская Республика, Ингушетия, Дагестан)**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	25,7%
КОРРУПЦИЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ	34,1%
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	22,9%
РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА	12,3%
МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СФЕРА	1,3%
ЗАТРУДНЯЮСЬ С ОТВЕТОМ	3,7%

Ислам Текушев

Северный Кавказ: протесты на фоне падения авторитета власти

Советская власть, создавшая северокавказские автономии из разных этнических групп, долгие годы сохраняла межэтническое согласие путем формального разделения портфелей между титульными этносами. Плановая экономика и равная отдаленность национальных элит от ресурсов, принадлежащих государству, также способствовали сохранению мира и согласия между народами. Однако, в новейшей России, где успех этноса в большей степени зависит от его близости к власти, гарантирующей доступ к ресурсам, сохранить хрупкий баланс межэтнического согласия становится сложнее. Коррупция

правящих элит, с одной стороны, и отдалённость малочисленных этносов от власти - с другой стороны, приводят к росту протестного потенциала на Северном Кавказе. В 2017 году этот протестный потенциал вылился в стихийные митинги и земельные бунты.

Достаточно сказать, что рост социальной напряжённости на Северном Кавказе, вызванный широким спектром не разрешаемых проблем, среди которых на первом месте стоят социально-экономические проблемы, проблемы безопасности, земельные споры и подавление гражданских свобод, привели в 2017 году к резкому падению авторитета федеральных и региональных властей, а также усилили влияние различных социальных групп и традиционных структур социальной самоорганизации в лице родов и тейпов.¹³

Яркой иллюстрацией к сказанному служат результаты опроса общественного мнения, проведенного пражским информационным агентством **«Medium-Orient»** в конце мая — первой половине июня 2017 года. Всего в ходе опроса было опрошено **1119** жителей Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Так, по данным опроса, уровень доверия населения к исламским общинам и традиционным структурам социальной самоорганизации - роду и тейпу- оказался намного выше, чем к федеральным и региональным властям. Согласно опросу,

¹³См. Ингушетия: от авторитета власти, к власти авторитетов // CaucasusTimes. 03.03.2017

49,5% опрошенных выразили свое доверие тейпам и родам; неформальным исламским религиозным общинам доверяют 39,1% респондентов. И это в то время, когда о своем полном доверии к федеральному правительству заявили лишь 7,6% опрошенных, а к региональным властям лишь 5,9%. ¹⁴

Общее негативное сальдо социального самочувствия привело в 2017 году к появлению одновременно нескольких очагов напряжённости на Северном Кавказе. Это территориальные претензии в Дагестане и в Кабардино-Балкарии, межконфессиональные споры в Ингушетии, «черкесский вопрос» в Адыгее, Кабардино-Балкарии, а также Краснодарском крае.

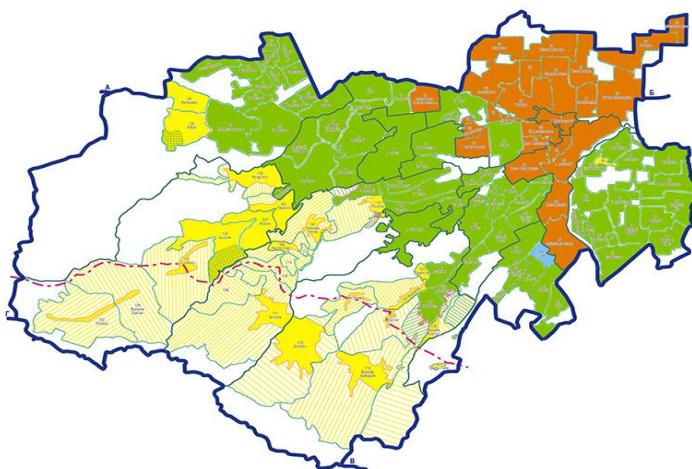
¹⁴ См. Ислам Текущев: Бежать с Кавказа // Радио «Свобода». 17.07.2017

Территориальные споры

В январе 2017 года влиятельная балкарская общественная организация - Совет старейшин балкарского народа - после кратковременного периода молчания предприняла очередной ультимативный демарш, заявив о своих территориальных претензиях к руководству Кабардино-Балкарии. Таким образом, Совет старейшин балкарского народа объявил о созыве референдума об отделении Балкарии в одностороннем порядке, то есть о выходе из состава Кабардино-Балкарской республики и образовании отдельной автономии в составе России в случае, если республиканские власти не удовлетворят их требования.

Балкарские старейшины потребовали пересмотреть конституцию Кабардино-Балкарии, дополнив ее пунктом о равноправии двух субъектов — Кабарды и Балкарии.

Также, в рамках программы реабилитации ре-прессыированного балкарского народа, старейшины потребовали восстановить «четыре района Балка-рии, существовавших до марта 1944 года, а также вернуть балкарским районам населенные пункты: Хабаз, Кичмалка, Ташлы-Тала, Жанхотеко, Зара-гиж». Данные поселения во времена коммунистиче-ского режима частично были включены в соседний Баксанский район республики, населенный преиму-щественно кабардинским населением.

Этническая карта Кабардино-Балкарии. Кабардинцы (чекесы) показаны зеленым цветом, балкарцы (турки) - желтым, русские земли республики (Прохладненский и Майский районы) показаны оранжевым.

Однако гладко получается только на бумаге... На данную инициативу о самоопределении балкарцев резко отреагировала кабардинская (чекесская)

общественность (второй титульный этнос в КБР). Главе республики Юрию Кокову было направлено семистраничное письмо за подпись глав Координационного совета черкесских (адыгских) общественных организаций, в том числе от ОД «Союз абхазских добровольцев», ОО «За мир и согласие в КБР» и ОД «Конгресс кабардинского народа», где было высказано несогласие мириться со спекулятивными декларациями противной стороны, в намерениях которой усматривается явный недостаток реализма и полное игнорирование конкретных политических и социально-экономических условий, сложившихся исторически на территории современной Кабардино-Балкарской республики.

В этом письме адыгские общественники, признавая балкарцев как отдельный народ и его право на культурно - идентификационное самовыражение, предложили властям принять республиканский закон «Об этнических территориях», который четко закрепит за субъектообразующими народами их исконные территории, с которыми может произойти разделение. В качестве таких границ адыгские организации предложили взять территории проживания народов на момент вхождения балкарских обществ в Россию — 1827 год, или же границы - 1852-1853 г.г., когда, по их мнению, с большой точностью

были описаны территории, хозяйство и население балкарцев.¹⁵

Таким образом, заложенный сталинскими репрессиями территориальный конфликт в Кабардино-Балкарии заявил о себе с очевидностью факта, спустя многие десятилетия. Возможные негативные последствия на межнациональные отношения в конкретной республике и регионе в целом в подобных ситуациях с неясной тенденцией просчитать несложно. Достаточно к этому добавить, что ни одна из соседствующих сторон не имеет социально-экономических и культурных предпосылок для самостоятельного, независимого друг от друга уровня развития, а потому лишены перспективы и даже возможности конструктивного диалога.

На Северном Кавказе, где межэтнические связи между разными республиками продолжают играть существенную роль и в 21 веке, рост внутриполитической напряжённости в отдельно взятой республике, часто приводит к актуализации территориальных споров между соседствующими субъектами. Они, в свою очередь, приводят к появлению аналогичных очагов конфликта в соседних регионах, связанных с источником конфликта этнокультурными

¹⁵См. Кабарда и Карачай: споры под Эльбрусом. Caucasus Times.11.04.2017

связями. Ярким примером тому служат периодически появляющиеся споры между различными этническими группами в Карачаево-Черкесии и соседней с ней Кабардино-Балкарии.

Зеркальный конфликт

Существование таких зеркальных территориальных единиц, как Кабардино-Балкарья и Карачаево-Черкесия, образованных из родственных этносов: кабардинцев и черкесов, с одной стороны, балкарцев и карачаевцев - с другой, приводит к появлению взаимосвязанных ценностных конфликтов, выраженных в демонстративной потребности защиты своих этнических ценностей и традиций за пределами собственных территориальных образований представителями упомянутых народностей. Подобный «зеркальный конфликт» имел место в двух соседних республиках Северного Кавказа в начале июня 2017 года.

Так, в начале 2017 года две общественные организации по обе стороны горы Эльбрус: с одной стороны, Совет старейшин балкарского народа, и с другой -Совет старейшин черкесского народа в Карачаево-Черкесии с небольшим временным отрывом, одна за другой, обвинили свои региональные власти в дискриминации представляемых ими этносов.

17 марта 2017 года Совет старейшин черкесского народа выразил серьезную обеспокоенность в связи с кадровой политикой руководства Карачаево-Черкесии. А чуть ранее, 18 января 2017 года с практически аналогичным заявлением выступил Совет старейшин балкарского народа. Единственная раз-

ница в том, что балкарский Совет старейшин пригрозил выходом из состава республики, в то время, когда черкесский Совет старейшин ограничился угрозами митингов.

Вместе с тем, стоит отметить, что если в Кабардино-Балкарии власть представлена этническим большинством – кабардинцами - черкесами, в том числе за ними всегда по умолчанию сохраняется кресло главы республики, то в Карачаево-Черкесии сложилась зеркальная ситуация, когда за карачаевским - тюркским большинством сохраняются все ключевые портфели в правительстве, в том числе и кресло главы. А черкесским элитам отведены второстепенные места в правительстве, в том числе и проблемный социальный блок.

Однако, если ранее межэтнические противоречия не выходили за пределы административных единиц, то в 21 веке, с появлением социальных сетей, споры между титульными этносами в обеих республиках все чаще стали выходить за пределы административных границ двух субъектов.

При этом объектами межнационального раздора в разное время становились национальные символы, такие, как национальный костюм - «черкеска» и даже блюда национальной кухни - «джэдлыбжэ» и «айран» и др.

Споры вокруг исторических прав того или иного этноса на предметы культурного наследия, национальные символы и территории не утихают на

Северном Кавказе вот уже много лет, и с каждым годом их роль в появлении новых очагов межэтнической напряжённости растёт. Впрочем, не последнюю скрипку в этом диссонансе играют социальные сети, выступающие медиатором привнесенных споров.

Дагестан и советское наследие

Так, 25 июня 2017 года земельный спор между представителями чеченской и аварской общин Казбековского района Дагестана перерос в открытый межэтнический конфликт. Решение сельсовета Ленин-аула Казбековского района о раздаче сельчанам-аварцам в личное пользование земель прежнего совхоза привело к вспышкам протesta проживающих там чеченцев - аккинцев. Последние восприняли действия муниципальных властей, как нарушение их исторических прав на землю. Чеченцы - аккинцы потребовали в срочном порядке воссоздать Ауховский район, существовавший до их депортации в Центральную Азию, и приостановить выдачу земель аварской общине.

За считанные дни благодаря социальным сетям в конфликт были вовлечены сотни молодых людей по обе стороны границы между Чечней и Дагестаном. Обеспокоенность тем, что конфликт может привести к столкновениям на границе, заставила чеченское руководство впервые открыто вмешаться в ауховскую проблему.¹⁶

¹⁶ См. Сколько мужчин, столько стволов: что делят чеченцы и дагестанцы // <http://www.bbc.com/russian/features-40557232>

Стоит отметить тот факт, что на текущий исторический момент чеченцы - аккинцы расселены в северо-западной части Дагестана, а также на других землях Чечни и Ингушетии. Численность их населения в Дагестане составляет чуть более 100 тысяч человек. Вот уже не один десяток лет чеченцы-аккинцы требуют восстановления своих прав на исключительную землю в Ауховском районе Дагестана, где населенные пункты некогда носили сугубо чеченские названия.

Краткая история вопроса такова: 5 октября 1943 года при деятельном участии советских органов власти был образован Ауховский район Дагестана, в который вошли чеченские села Юрт-аух и Ленин-аул. Спустя несколько месяцев, в феврале 1944 года по решению ГКО 3142 чеченских семей общей численностью 14.900 человек были депортированы в республики Средней Азии, как, впрочем, и многие другие чеченские семьи.

Таким образом, принадлежавший аккинцам Ауховский район был ликвидирован, а на его северо-западной части был образован Новалакский район, который был заселён лакцами из горной части Дагестана. Юго-восточная часть таким же образом была передана соседнему Казбековскому району, вместе с двумя населёнными пунктами Юрт-Аух и Акташ-Аух, которые были заселены аварцами из соседнего села. Спустя 13 лет, в 1956 году чеченцам-аккинцам, как и остальным депортированным

вайнахским народам, разрешили вернуться на историческую родину, однако, аккинцам запретили возвращаться в их родовые сёла. Вернувшихся разместили в равнинных сёлах, несмотря на их требования: позволить им вернуться в родные дома. Так был заложен механизм этнической напряжённости между чеченской общиной, вернувшейся уже в послевоенный Дагестан, и дагестанскими этническими группами, переселенными на места прежнего проживания чеченцев-аккинцев.

С тех пор чеченцы-аккинцы добиваются восстановления своих исторических прав на исконную землю. Аккинцы многоократно обращались к правительству республики Дагестан с просьбой о возвращении им исторических прав на земли, соответственно места родовых поселений, ныне заселенные аварцами и лакцами. Впрочем, в 1991 году на 3-м съезде народных депутатов республики Дагестан было принято решение восстановить упраздненный Ауховский район на месте современного Новолакского, а лакское население переселить на территории Кизилюртовского и Кировского районов Махачкалы с целью образования единого Новолакского административного района.

Но благие намерения советских депутатов - слуг народа так и остались на бумаге. Решение вопроса было отложено в долгий ящик по многим причинам: первая из которых – отсутствие слаженных действий правительства на уровне государственных

и региональных властей; затем случился августовский путч 1991 года в СССР, который отсрочил решение данного вопроса на долгие десятилетия новейшей истории. В 2000-х споры вокруг пересмотра границ на Северном Кавказе, возникавшие то там, то тут в республиках региона, вновь актуализировали отложенный под сукно «ауховский вопрос». Не остался в стороне и глава Чечни Рамзан Кадыров, который часто использует чеченские общины в соседних регионах для расширения своего влияния на правящие элиты.

Проблема восстановления прав аккинцев на свои земли упирается в целый ряд проблем, из которых узловой является сложность переселения людей с насиженных мест. Ауховская община периодически идет на уступки. Так, если на старте своих претензий община требовала передачи Ауховского района Чеченской республике, то после ответных протестов аварцев, преимущественно населяющих Калинин-аул Казбековского района, аккинцы смягчили свои требования и сфокусировались на требовании: вернуть селам их прежние этноназвания (Калинин-аул прежде носил название Юрт-аух, село являлось до выселения аккинцев районным центром Ауховского района).

То есть, сами аккинцы не стремятся аплодировать акциям, противоречащим тому позитивному, что сложилось и имеется сейчас в сфере взаимоотношений между вайнахскими и другими народами.

Таким образом, земельный конфликт, решение которого растянулось на многие десятилетия, то за- тухает, то становится актуальным вновь. На его динамику большое влияние оказывают социально-экономические проблемы, которые в 2016- 2017 годах обострились на фоне всеобщего обнищания жителей Дагестана. И вот крик уязвленной национальной гордости слышится сегодня вновь, явственно и громко; восстановить район – дело принципа, говорят в чеченской общине. Они снова обращаются к еще раз избранному президенту Чечни Рамзану Кадырову, напоминают при помощи петиции о предвыборных обещаниях дагестанскому главе Рамазану Абдулатипову.

По мнению местных наблюдателей, из-за принципиальной позиции чеченцев - аккинцев относительно названий населённых пунктов, проблема за-гоняется в еще больший тупик, в рамки паллиативности решения, по сути ограничивая рассмотрение.

Так, Юрт-аух, который со времен варварского раздела носит название Калинин-аул, фактически разделен на 2 половины: чеченскую и аварскую. Что касается аварской общины, то, несмотря на уверения чиновников и правительственные экспертов о «мире и порядке», ее позиция по вопросу о переселении на новое местожительство более жесткая и непримиримая, что является причиной частых массовых драк. Регулярные драки «стенка на стенку» здесь привычное дело, нередко сопровождающиеся стрельбой и поножовщиной.

Скажем, к примеру, 29 августа 2007 года в населенном пункте Калинин-аул (Юрт-Аух) Казбековского района Дагестана произошло крупное столкновение между чеченцами-аккинцами и аварцами; в столкновении участвовали более 100 человек. В результате конфликта 8 человек пострадали, в том числе два милиционера. 15 чеченцев, участвовавших в столкновении, были задержаны силами правопорядка и освобождены только на следующий день, после активного вмешательства официальных лиц из Чечни.

В 2014 году федеральные власти попытались еще раз разрешить «ауховский вопрос»: в постановлении Правительства РФ от 23 декабря 2014 года «О первоочередных мерах по обеспечению опережающего развития Республики Дагестан» был включен отдельный пункт о завершении переселения лакцев и восстановлении Ауховского района. В рамках федеральной целевой программы «Юг России (2014-2020 годы)» было предусмотрено восстановление Ауховского района и отдельной строкой прописано: образование Новолакского района для переселения лакской общины с этих земель. Сотрудник Управления правительства Дагестана по восстановлению Ауховского района Султан Шавхалов рассказал газете «Новое дело» (<http://ndelo.ru/news/politika/3383/>), что для переселенцев были построены жилые дома. Однако новые дома пустуют, и лакцы не спешат туда переселяться и покидать свои дома в Новолакском районе. По указанной причине финансирование

строительства домов для переселенцев было приостановлено. И «ауховская» проблема в очередной раз зависла в воздухе.

Историк Маир Гасан-Гусейнов полагает, что Ауховский район – яркий пример дестабилизирующего воздействия советского наследия на внутриполитическую ситуацию в Дагестане. «Самое страшное наследие Сталина, оставленное Кавказу – это земельные споры», - уверен он. По его мнению, решить их очень сложно в силу того, что на спорных землях сменились целые поколения. Правозащитники и юристы также считают, что иски общин на восстановление исторических прав на землю не имеют перспективы.

Разрубить «гордиев узел» оказалось не под силу и одиозному лидеру Чечни, который, по неофициальной информации, пытался усилить влияние руководства Чечни в Дагестане через лоббирование на пост главы граничащего с Чечней Хасавюрта известного чеченского спортсмена Бувайсара Сайтиева. Сам Сайтиев является уроженцем Хасавюрта. Но Сайтиеву так и не удалось возглавить ни Хасавюрт, ни чеченскую общину в Дагестане. Похоже, что у «ауховского вопроса» нет решения. И главная проблема в том, что он со всей тяжестью сопутствующих социально-экономических противоречий, присущих российскому кризису, упирается в тот самый земельный спор, разрешить который без ущем-

ления интересов одной из сторон этнического противостояния, практически представляется невозможным.

В силу всех этих причин, Ауховский район обещает оставаться катализатором напряжённости в Дагестане и в обозримом будущем.

Еще одним фактором напряжённости вокруг «ауховской» проблемы для региональных властей стали социальные сети, которые выступают медиа-торами организации стихийных митингов. Все чаще эти стихийные митинги проходят без согласования со старейшими тейпов, что в значительной степени приводит к росту угрозы возникновения неконтролируемых конфликтов. Ярким тому примером служит случай с нападением чеченцев-аккинцев на спикера чеченского парламента Магомеда Даудова, который по распоряжению главы Чечни прибыл в середине июля 2017 года в Казбековский район Дагестана, с тем, чтобы успокоить чеченскую молодёжь.¹⁷

¹⁷СМ. Ауховский нерв
[//www.natpressru.info/index.php?newsid=10853](http://www.natpressru.info/index.php?newsid=10853)

Ингушский узел

В стороне от очередного витка напряжённости не осталась в 2017 году и республика Ингушетия.

Так, в начале 2017 в Ингушетии стали зримыми сразу несколько конфликтных узлов. С одной стороны, обострился давний конфликт главы Ингушетии со старейшинами влиятельных в республике тейпов, с другой - наметившийся еще в начале 2015 года скрытый конфликт между главой Ингушетии Юнусбеком Евкуровым и мусульманскими богословами вылился в открытое противостояние власти и традиционных структур социальной самоорганизации ингушского общества – тейпов и религиозных общин.

Между тем религиозный конфликт стремительно перерастает в реальную попытку властей упразднить Духовное управление мусульман республики. Руководство Ингушетии практически инициирует ликвидацию Духовного управления мусульман республики Ингушетия, называемого в простонародье — Муфтиятом. Это происходит после того, как конфликт главы Ингушетии Юнусбека Евкурова с главой Муфтията – Исой Хамхоевым переходит в публичную конфронтацию, которая затем трансформируется в попытку насильтственного смешения муфтия. На его место глава республики прочит лояльного себе исламского богослова Яхью

Хадзиева. Однако сторонники муфтия создают препятствие властям, организовав многотысячный митинг.

В итоге власти Ингушетии создали альтернативную Муфтию исламскую организацию, состоящую из лояльных главе республики Евкурову богословов. Так, в структуре администрации Республики Ингушетия появилось Управление по делам религии, которое возглавил несостоявшийся в статусе муфтия республики - исламский религиозный деятель Яхъя Хадзиев.

(на фото исламский религиозный деятель Яхъя Хадзиев)

В то же время, стоит отметить, что президентский избранник не пользуется особым авторитетом в Ингушетии, где действует до 12 исламских общин,

которые исповедуют различные тарикаты и периодически вступают в открытые споры, и не только внутри самой республики, но и за ее пределами. Духовное представительство соседней Чеченской республики крайне негативно отзывалось об одном из самых известных религиозных деятелей Ингушетии – Хамзате Чумокове, который был внесен руководствам Чечни в профилактический список.

(На фото известный религиозный деятель Ингушетии Хамзат Чумоков)

Еще одним событием, характеризующим внутреннюю политическую ситуацию в Ингушетии, как кризис власти, является конфликт главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова с Советом тейпов при Ингушетии, который был создан самим Евкуровым в 2009 году после его назначения главой республики. В момент

создания Совета тейпов при РИ, подобная организация уже существовала в регионе под председательством Даскиева М. и к тому же была официально зарегистрирована. Но ей не удалось сохранить доминантное положение в обществе, и сдвинутая на задний план в этом союзе, ей пришлось выйти из роли, отступив от принятой линии поведения.

Ограничение в возможностях реализации тех или иных актуальных вопросов ингушского общества в статусе при главе РИ (республика Ингушетия); реформирование Совета с учетом возникающей необходимости, согласно решению главы РИ без личностного мнения членов Совета тейпов и др. явились поводом к возмущению и самих членов Совета, которые преступили к формированию альтернативного Совета, как органа, в данном случае, несовещательного и подведомственного, а вполне самостоятельного общественного института. Представители отколовшейся части Совета тейпов РИ примкнули к Совету тейпов ингушского народа.¹⁸

В ходе этих конфликтов проявились весьма тревожные симптомы, свидетельствующие о слабом правовом механизме реализации провозглашенных в конституции прав граждан Ингушетии. А связанные с этим эксцессы на почве самоутверждения религии и традиционных форм самоорганизации ин-

¹⁸ См. Танзила Чабиева. Совет тейпов: быть или не быть // <http://caucasustimes.com/ru/sovet-tejporov-byt-ili-ne-byt/>

гушского общества, бросающие вызов местным властям, характерны прежде всего для экономически слабого региона, страдающего от высокой безработицы и других социальных бед, сопутствующих системному кризису.

Так, по мнению научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Танзилы Чабиевой, в 2017 году руководство Ингушетии получило еще одну оппозиционную силу — Совет тейпов. Подобное наблюдалось в 2008 году, когда был сформирован альтернативный парламент, в состав которого вошли представители 22 влиятельных тейпов республики. По мнению эксперта, если обратиться к конкретному явлению с точки зрения исторической тенденции, то подобные процессы наблюдались в Ингушетии и раньше, в сложные в общественно-политическом отношении периоды противостояния власти и общества, характеризующиеся высокой коррупционностью, клановостью, падением рейтинга властей и др. приметами системного кризиса.

«Черкесский вопрос» в России

Еще одним фактором напряженности на Юге России стал в 2017 году «черкесский вопрос». В 2017 году черкесское национальное движение продемонстрировало небывалый национальный подъем. Ярким тому свидетельством служат масштабные мероприятия, посвященные очередной годовщине окончания Русско-Кавказской войны, прошедшие 21 мая 2017 года в трех республиках Юга России: Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Главными движущими факторами черкесского национального движения в 2017 году стали: сирийский конфликт, актуализировавший проблемы разделенного черкесского этноса, с одной стороны, и преследования черкесских активистов российскими правоохранительными органами на фоне исторических претензий черкесских элит к России - с другой стороны.

Запущенный бумеранг черкесского национального движения, обнажая неразрешенные противоречия в прошлом, вызвал бурю негодования у общественности и не пощадил ее активистов. На чаше весов российского правосудия оказались брошенными судьбы тех, кто подвергает сомнению или вовсе не согласен с официальной точкой зрения российской историографии на причины и последствия Русско-Кавказской войны. В то же время, в российских коридорах власти пытаются напустить туман на четкую и ясную постановку «чертесского вопроса» или

вовсе замолчать, проигнорировать черкесскую проблематику, как будто и нет «теней прошлого». Проступает сегодня и другая тенденция рассматривать черкесский этнос и его культурно-национальные потребности как некий искусственный вымысел или мертворожденное дитя псевдонационального движения.

Тем не менее, корни черкесской проблемы в России покоятся в оценке событий 19 века, который стал веком тяжелых, трагических испытаний для большого, многочисленного этноса. Тогда, в результате колониальной войны, которую царская Россия вела на Кавказе на протяжении длительного периода (1763-1864г.г.), коренные народы Западного Кавказа (убыхи, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, шапсуги, абхазы и десятки др. племен) если не были физически уничтожены, то выселены принудительно в различные районы Российской Империи, а значительная часть и вовсе подвергнута изгнанию в Османскую Империю. Война крайне негативно отразилась на генофонде этноса. К ее печальному концу от миллионного населения Черкесии на родной земле уцелело всего 5% черкесов - адыгов, остальные погибли во время кровопролитных сражений, эпидемий, голода и холода, сопровождавших гибельный и мучительный путь изгнанников с родных берегов Причерноморья в Турцию.

Черкесская проблематика «вырастает» из интерпретации этих трагических событий как «невольник» прошлого. Российская историография толкует

Кавказскую войну как колониальную, категорически отрицая факт геноцида. В российских источниках, которые содержат свидетельства о массовых убийствах черкесского населения, действия властей называются «покорением Кавказа». Черкесы же массовое истребление адыгов (самоназвание этноса) в годы Русско-Кавказской войны и их насильственное изгнание в Османскую империю интерпретируют как политический акт геноцида.¹⁹ Требования о признании геноцида звучались черкесской общественностью многократно, еще задолго до событий, связанных с Олимпиадой в Сочи. Однако в экспертном сообществе принято считать Сочинскую Олимпиаду ключевым событием-катализатором, приведшим черкесов к консолидации вокруг их исторических претензий к России и ускорившим внутриполитические процессы в трех северокавказских республиках - КБР, КЧР и Адыгее, а также в Краснодарском крае.

Достаточно сказать, что кульминацией черкесского движения стали протесты черкесов против проведения Олимпиады в Сочи. В ответ на актуализацию «черкесского вопроса» Россия пошла по традиционно проторенному пути: подавление черкес-

¹⁹См. Роберт Орттунг, Суфьян Жемухов. Путинская Олимпиада: сочинские игры и эволюция России в XXI веке. Вашингтон, 2017.

ских протестов, дискредитацию черкесского движения путем увязывания его с внешними факторами – интересами таких стран, как Грузия, США, Израиль.

При этом на уровне академических кругов, Россия интерпретировала черкесские протесты как проявление экстремизма, пытаясь гальванизировать атмосферу и политические трупы русского царизма. Нашлись и люди, подхватившие полинявшее лавры творцов русской имперской политики. Журналист и политолог Яна Амелина в интервью программе «Кавказский час с Андреем Епифанцевым» («Голос России») озвучила идею создания новой идеологической концепции в отношении «чекесского вопроса». Суть последней заключается в исключении из исторического контекста чекесской проблемы. Среди первичных мер журналист предложил инициировать переаттестацию преподавателей в регионе, провести ревизию учебных курсов в ВУЗах национальных республик и исключить из учебников термин «геноцид чекесов», а также активизировать деятельность российских дипломатов в странах, где проживает чекесская диаспора.

Стоит отметить, что Абхазия сразу дистанцировалась от чекесской тематики в контексте Олимпиады. Более того, абхазские национальные активисты выступили в поддержку Олимпиады в Сочи, что, собственно, и легло в основу наметившихся между абхазским и чекесским сообществом противоречий. Раскол между абхазскими и чекесскими активистами привел к искаению роли чекесского мира

в грузино-абхазском конфликте 1992-1993гг. Роль черкесов в грузино-абхазской войне минимизировалась, что не могло, в свою очередь, не вызвать возмущений черкесского мира, оказавшего не только военную, но и широкую политическую и экономическую поддержку абхазам во время антиимилитаристского противостояния с Грузией. Неизвестно, был связан ли этот процесс с некоторыми манипуляциями со стороны Москвы или же позиция абхазов в данном вопросе регламентировалась исключительно политической рациональностью? Как бы то ни было, актуализация «черкесского вопроса» в контексте Олимпиады в Сочи ловко была отыграна всеми игроками, использующими «черкесский вопрос» в своих геополитических целях.

Обобщив предоставленную информацию в целом, можно сделать очевидные выводы. В первую очередь, актуализация «черкесского вопроса» в контексте проведения Олимпиады в Сочи стала удобным инструментом для реализации геополитических проектов, таких крупных игроков, как Грузия и Россия. В историческом контексте наиболее значимым итогом негласного «политического пасьянса» между Грузией и Россией вокруг Олимпиады в Сочи стал раскол между черкесским миром и абхазским государственным проектом.

Данное обстоятельство заложило основу для снижения активности черкесов в абхазском направлении. Более того, уникальное культурное абхазо-

черкесское пространство, сохранившее свое единство веками, несмотря на разные негативные исторические события, сегодня оказалось расколотым. Произошла трансформация и самого черкесского движения. Олимпиада обнажила существующие в черкесском мире скрытые противоречия. Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году стали фактором мобилизации исторической памяти черкесов о геноциде, что вызвало, с одной стороны, консолидацию черкесского движения, а с другой — раскололо это движение на два лагеря. Его геополитизация, вовлечение в черкесские дела третьей стороны, в первую очередь — Грузии, привела к дистанцированию от вопросов признания геноцида целого ряда российских черкесских организаций.

В большей степени это касается близких к официальным властям общественных организаций на Северном Кавказе (Хасэ). Так, одни черкесские организации выступили против Олимпиады как таковой, они и сформулировали свои требования вокруг вопроса о признании геноцида довольно жестко и непримиримо, другие же общественные организации высказались за проведение Олимпиады, однако выдвинули робкое требование, скорее всего пожелание - включить «черкесский культурно-этнографический сегмент» в олимпийскую культурную программу. Но усиливающаяся ассимиляция национальных меньшинств в современной России не допускает даже мысли о праве на прошлое черкесского этноса. Олимпиада в Сочи убедительно, на многих

фактах и событиях, проиллюстрировала именно этот момент истины, и то, как правящие элиты искусно манипулируют мнением мирового сообщества. «Черкесский вопрос» замолчали в очередной раз.

Под брендом интеграционного олимпийского мегопроекта власть претворяет в реальность свои новые имперские амбиции.

Национальный подъем

Маятник политической жизни, социальных настроений северокавказских республик периодически раскачивается в разные стороны, сбивая время, то в обстановку начала 21 века, то возвращаясь обратно - в затхлую среду прошлых веков. Исламизация черкесского мира, распространение ваххабизма в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, вовлеченность в вооруженное противостояние черкесов на Северном Кавказе под брендом Имараты Кавказ, привели к заметной трансформации идентичности черкесской молодежи в 21 веке. Исламизация на определенное время снизила влияние черкесских общественных организаций на молодежную среду северокавказских республик. Особенно это стало заметно в 2004 году, когда религиозные фанатики из Кабардино-Балкарского сектора Имараты Кавказ объявили охоту на черкесских национальных лидеров, обвинив их в язычестве. 29 декабря 2010 года исламисты даже совершили резонансное убийство одного из авторитетных черкесских лидеров - этнографа, доктора наук Аслана Ципинова.

Стоит отметить, что развал Имараты Кавказ, вызванный внутренним расколом, с одной стороны, и ликвидацией наиболее одиозных лидеров данной террористической организации - с другой, привели к полной утрате влияния исламистов в регионе. В свою очередь это послужило толчком к росту влияния национальных движений и групп, в том числе и

черкесских, для которых сохранение языка, культурной и национальной идентичности в новых условиях выживания становятся актуальными. Уже в 2017 году черкесское национальное движение переживает небывалый национальный всплеск. Безусловным тому подтверждением служат масштабные мероприятия, прошедшие 21 мая 2017 года одновременно в нескольких регионах России.

Несмотря на ненастье, десятки тысяч черкесов в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии приняли участие в траурных мероприятиях, посвящённых 153 годовщине окончания Русско-Кавказской войны. И хотя в Абхазии это памятная дата обозначена иначе, в Сухуми также вспоминали массовый исход абхазов в Анатолию (территория современной Турции). Не осталась в стороне и многомиллионная диаспора черкесов за рубежом, выступившая с национальными знамёнами по центральным улицам турецких городов. Впервые за всю историю поствоенной Черкесии, которая сегодня существует только в исторической памяти черкесов, в школах, высших учебных заведениях, в городах компактного проживания черкесов прошли памятные мероприятия по жертвам Русско-Кавказской войны.

Подавленное первоначально правящими элитами в 1990-е годы, а затем и религиозными фанатиками в 2000-х, черкесское национальное движение несколько лет подряд демонстрирует национальный подъём. За этой внешней оболочкой событий легко

отследить логику и динамику интенсивно разрастающегося движения. Так, росту национального самосознания черкесов и его выражению способствовала совокупность факторов, которые стали катализатором черкесского ренессанса, утвердившего в 2017 году готовность черкесов защитить свою собственную идентичность.

В первую очередь, факторами влияния можно расценивать Олимпиаду в Сочи и признание геноцида черкесов Грузией, положившие начало объединению черкесов вокруг исторической памяти о войне, ставшей причиной трагического, массового исхода большей части черкесов в Османскую империю. Стоит отметить, что именно последствия массового исхода черкесов, вызванные Русско-Кавказской войной, сегодня легли в основу определения черкесов как разделенного этноса.

Вместе с тем, общеизвестно, что олимпийский огонь - антитеза огню войны. Олимпийский факел освещает, а не поджигает. И стоит отметить тот самый виртуозный пассаж в сложной партитуре политического искусства взаимопонимания и взаимодействия, который взяла в этой ситуации Грузия.

Впервые именно Грузия вывела черкесскую проблематику разделённого черкесского этноса на международный уровень, сделав «черкесский вопрос» субъектом международного права, признав, таким образом, геноцид черкесов. Грузия положила начало черкесскому ренессансу, открыв свои архивы для международных экспертов и черкесских

учёных, составивших доклад о военных преступлениях царских войск на черкесской земле.

Олимпиада в Сочи, призванная объединить вокруг глобального спортивного проекта все слои российского общества, также обернулась для российских властей неожиданным сюрпризом, выявившимся в форме черкесских протестов. Именно они в последующем стали дополнительным фактором мобилизации черкесов вокруг исторической памяти черкесов о войне. Нынешний сирийский конфликт, повлёкший за собой актуализацию и «черкесского вопроса» (вокруг черкесских беженцев), также внёс свою лепту в процесс «взросления» национального самосознания черкесских современников. К тому же, нежелание Кремля признать зарубежных черкесов соотечественниками, в то время, когда российские паспорта получают миллионы граждан соседних постсоветских республик, усилили исторические претензии черкесов к Москве.

Черкесы болезненно восприняли категорически отказ России принять специальную программу в отношении черкесских беженцев из Сирии, которые продолжают десятками гибнуть на Ближнем Востоке. Неоценимую роль в единении черкесов вокруг знаменательных для этноса событий сыграли и социальные сети, связавшие сотни черкесских организаций и тысячи активистов по всему миру, в том числе и диаспоры, получившие впервые возможность виртуально соединиться с исторической роди-

ной. И наконец, внутриполитические условия в самих республиках Северного Кавказа на фоне резкого падения влияния исламских радикальных групп на молодёжную среду способствовали усилению роли черкесских национальных групп.

Все это качественно повысило уровень черкесского самосознания, особенно у молодёжи, которая сегодня диктует черкесским элитам формат взаимодействия властей с черкесскими организациями. Черкесская молодежь изменила черкесское движение, освободив его от привитого имперским режимом «комплекса неполноценности» перед грузом прошлого, придав ему совершено новую динамику. Более того, сегодня черкесское движение находится в понятном для региональных и федеральных властей правовом русле. В этих условиях единственным правильным форматом контроля над черкесами является, по мнению экспертного меньшинства, предоставление условий для выражения черкесами их прав, что, собственно и сделали региональные элиты в 2017 году, закрыв глаза на массовые акции памяти 21 мая 2017 года.²⁰

²⁰См. Черкесы демонстрируют небывалый национальный подъём <http://caucasustimes.com/ru/cherkesy-demonstrirujut-nebyvalyj-nacionalnyj-podem/>

Сирийский фактор

Сирийский конфликт стал еще одним факто-ром, оказывающим значительное влияние на «черкесский вопрос» в России. В первую очередь, это связано с демонстративным нежеланием россий-ских властей признать сирийских беженцев черкес-ского происхождения своим соотечественниками и беженцами. С начала войны из Сирии в Адыгею пе-реехали более 750 этнических черкесов. Однако многие десятки семей черкесов, так и не смогли при-житься на исторической родине: они либо верну-лись в Сирию – в пекло войны, либо переселились в европейские страны.

Наибольшее число сирийских черкесов поки-нуло республику Адыгея в прошлом году. Главная причина, вынуждающая черкесов снова покинуть историческую родину, скрывается в нежелании Рос-сии признавать их беженцами, а значит юридически закреплять за ними статус, гарантирующий им соци-альную и правовую поддержку, а значит и право на прошлое. Таким образом, на них также не распро-страняется закон «О соотечественниках».

«В 2016 году было выдано 65 квот на времен-ные проживания в Адыгее для зарубежных черке-сов. Никто из них не получил статус беженца, двое выдворены за нарушения российского законода-тельства, четверо покинули Россию, остальным про-длили еще на 6 месяцев временное проживание (из

интервью директора «Центра адаптации репатриантов» Асхада Гучетль агентству CaucasusTimes). Все это выглядит на удивление цинично и основано на давно известных методах выдавливания черкесов из республик Северного Кавказа.

В целом картина по сирийским черкесам безрадостная. По данным черкесских общественных организаций, до начала военных событий в Сирии насчитывалось примерно 50 тысяч черкесов; сегодня их осталось менее 20 тысяч: многие бежали в Турцию, Иорданию, страны Европы, в Россию. В последнем случае, имеет место парадокс: российское посольство в Дамаске продолжает выдавать сирийцам (арабам) квоты на получение временного вида на жительство в России, сирийцам же черкесского происхождения отказывают в этой же милости. А тем немногочисленным репатриантам, которым удается получить туристическую визу при помощи общественных организаций черкесов, предстоят немалые лишения.

Сам факт въезда в Россию будь то на основании квоты на временное проживание или туристической визы, лишает беженцев элементарного шанса просить у российского государства покровительства по статусу, который решил бы многие проблемы, связанные с интеграцией в российское общество, помимо прочего, обеспечил бы их социальными гарантиями. Однако, как выясняется, сразу при въезде в Россию, репатриантам настоятельно не рекомен-

дуют просить политическое убежище в России, мотивируя это тем, что статус беженца возможно получить при условии отказа от предыдущего гражданства.

За несколько лет конфликта на Ближнем Востоке черкесские общественные организации в России успели оформить квоты (или туристические приглашения) примерно для трех тысяч сирийских черкесов. Адыгея смогла принять всего 750 человек, Кабардино-Балкарская Республика – около двух тысяч беженцев. Все эти люди приехали в Россию либо на основании временного проживания, либо – как туристы, студенты, гости и бизнесмены. Однако фактически все эти люди – беженцы, нуждающихся в государственной защите. Российские же власти, напротив, пытаются вернуть этих людей назад, в Сирию – в зону военных действий, при этом, старательно воздвигая стену молчания вокруг проблемы черкесских беженцев из Сирии. Этим попыткам яростно сопротивляются черкесские общественные организации, созданные для оказания помощи черкесам из Сирии.

Так, в ноябре 2015 года за помощью к российским властям, в частности в МИД России, обратилась широко известная Международная черкесская ассоциация (МЧА). Она попросила выделить черкесов в Сирии в отдельную группу. Однако российское внешнеполитическое ведомство ответило так: «Что касается организации для сирийских адыго-черкесов возможности упрощенного въезда в Российскую Федерацию, признания всех их в качестве

беженцев, то для таких мер на данный момент отсутствуют юридические и политические основания. Кроме того, наделение такими преференциями исключительно черкесской диаспоры САР может быть воспринято властями этой страны и другими группами сирийского населения, возможно, также претендующими на переезд в Россию в чрезвычайном порядке, как явная дискриминация». Таким образом, российские власти обозначили свое отношение к попытке черкесов легитимировать организованный черкесскими активистами коридор для черкесов-беженцев из Сирии. Вот уже несколько лет беженцы - черкесы из Ближнего Востока полностью зависят от частной инициативы черкесских общественных организаций. Практически все, за исключением нескольких человек, у которых были российские паспорта, живут в России на основании временного убежища. Этот статус, в отличие от статуса беженца, не дает никаких льгот, кроме возможности находиться на территории РФ до года (этот срок можно продлевать). В Центре адаптации репатриантов, расположенным в бывшем детском садике в Майкопе, к примеру, на начало 2017 года проживало 39 черкесских семей из разных стран мира.

Здание в свое время выделили республиканские власти для репатриантов из разных стран. Из Сирии в центре живет только одна семья: муж, жена и двое детей. Две семьи остаются в Центре еще с 1998 года, когда по инициативе черкесских общественных организаций в Адыгею привезли большую

группу черкесов из охваченного огнем Косово. Этим людям до сих пор не выдали жилье. Они по-прежнему в подвешенном состоянии, влачат нищенское существование.

По разным данным, в Адыгее на начало 2017 года проживает более 1.600 зарубежных черкесов. Значительная их часть проживает в ауле Мафахабль, который был специально выстроен для косовских адыгов. Здесь, в свое время были розданы несколько земельных участков, на четырех из них репатрианты сами построили дома, в которых сегодня они и проживают. Остальные участки продолжают пустовать. В поселке до сих пор не решены инфраструктурные вопросы: нет воды, нет газа. Проведение коммуникаций обойдется в 1 миллион рублей. Этой суммы у жителей поселения тоже нет, так как многие из репатриантов живут очень скромно. Некоторые черкесы из Сирии обустроились в других аулах республики.

Так, в ауле Панахес уже почти 5 лет проживает Абид Нэфын, вернувшаяся из Сирии со своей семьей. После попыток обустроиться в Нальчике и Минеральных Водах, Нафын остановила свой выбор именно на Адыгее. Сначала Нэфын жила в Майкопе на съемной квартире, но съем жилья обходился в немалые деньги, и семья приняла решение переехать в аул Панахес, где местные жители при содействии мецената помогли ей построить дом.

«Получается так, что те черкесы, которые родились и жили в сирийских городах, по возвращении

на родину желали жить по-прежнему в городе. Но многим это не по карману. Нам повезло потому, что помогли жители аула, общественники, бывший глава Адыгеи Хазрет Совмен, который пожертвовал по 100 тысяч рублей каждому репатрианту. Это и стало подспорьем». — рассказывает Абид Нэфын.

Спектр проблем черкесов из Сирии венчает главная, непреодолимая без поддержки российских властей проблема — это незнание русского языка. Отсутствие единой госпрограммы по поддержке переселенцев — черкесов приводит к тому, что судьба репатриантов на исторической родине складывается по-разному: кому-то удается обустроиться, кто-то покидает Россию без всякой надежды, а кого-то депортируют после мучительных ожиданий и судьба их по-прежнему висит на волоске.

Так, по информации представителей черкесских общественных организаций, из Адыгеи был выдворен черкес из Сирии Балкар (Балкъэр Мыхъамэт). Ему инкриминировали обвинение в приобретении фальшивого паспорта гражданина Сирии, который был выдан официальными структурами Сирии уже в период его пребывания в России. Мыхъамэт въехал в Россию по старому паспорту, который был признан действительным, на него и была получена виза. Однако после того, как срок действия паспорта истек, ему пришлось обратится в сирийское консульство за новым документом, но так как новый паспорт был выдан в то время, когда местный ОВИР в Сирии оказался в руках ИГИЛ,

российские миграционные службы признали новый паспорт недействительным. В результате, Балкъэр Мыхъамэт оказался в сложной ситуации, которую можно было бы избежать, если бы он получил в свое время статус беженца, коим он является по факту. Он был отправлен в Ростов, а впоследствии черкесские активисты и вовсе потеряли с ним связь.

Председатель «Майкопского Адыгэ Хасэ» Зарубий Чундышко отмечает, что многие черкесы из Сирии уезжают потому, что им предлагается проходить процедуру получения вида на жительство, в то время, когда они являются жертвами, вынужденно бежавшими от войны. Это означает, что они также, как таджики или узбеки, жители из стран СНГ должны сдавать экзамены по знанию русского языка, истории и законам РФ. При этом подтвердить свой социальный статус официальными документами из страны, где идут военные действия, что не представляется практически возможным. И, если в случае с мигрантами сдача языкового экзамена – оправданное требование, то для сирийских черкесов, которые жили совершенно в другом культурном и языковом пространстве, к тому же являются безвинными жертвами войны - эта мера выглядит как издевательство над здравым смыслом и самим Человеком.

Сегодня в процессе депатриации черкесов наметился кризис, вызванный острыми разногласиями политических сторон. В том числе и в отношении переселенцев из Сирии. И возможно причина в

том, что сами репатрианты уже не желают испытывать свою судьбу на исторической родине, которая не признает их родства. Да и у черкесских общественных организаций, на чьи плечи легло все бремя тяжести проблем, связанных с пребыванием беженцев, кончаются силы. Несколько лет назад Москва отвергла просьбу сирийских черкесов признать их соотечественниками согласно закону «О соотечественниках», который предоставил бы им соответствующие льготы. В околодокремлевских академических кругах нашлись «светлые умы», указавшие федеральному центру на опасность обострения «черкесского вопроса», если репатрианты начнут возвращаться на российский Кавказ. В итоге черкесские беженцы живут в невыносимых условиях, с которыми они столкнулись в России, куда их позвали черкесские общественные организации в надежде на то, что удастся уговорить Москву взять их под свою государственную защиту. В результате: отчаявшиеся люди уезжают назад, в Сирию - в зону войны. Тे тысячи беженцев, которые остались — живут надеждой на будущее.²¹, что и у них появится право на историческую родину.

²¹ См. Черкесы: квота на родину. 10.11.2016 <http://caucasustimes.com/ru/cherkesy-kvota-na-rodinu/>

Преследования черкесских активистов

Широкий спектр факторов, среди которых: Олимпиада в Сочи, признание геноцида черкесов грузинским парламентом, сирийский конфликт, актуализировавший проблемы разделенного этноса, снижение активности и влияния исламистских групп на Северном Кавказе, а также социальные сети, связавшие тысячи черкесских групп по всему миру, привели, как уже было сказано выше, к национальному всплеску черкесского мира в России и за рубежом. Особенно здраво обозначенная тенденция проявилась в молодежной среде, которая, благодаря своей активности в социальных сетях, не только аккумулировала социальную энергию, но и сумела придать ускорение черкесскому возрождению. Даный социологический факт не мог не вызвать беспокойства у российских властей, которые опасаются возникновения на Юге России очередного очага внутриполитической напряженности.

Так, тревоги вокруг черкесского движения, многоократно озвученные российскими силовиками и околокремлевскими экспертами, создали вокруг черкесской активности негативный фон, который привел в дальнейшем к попыткам властей подавить волю активистов и сторонников движения. В 2017 году российскими властями были инициированы аресты и судебные процессы против наиболее активных общественных деятелей. Весной 2017 года

суд в Лазаревском районе Краснодарского края вынес приговор семидесятилетнему черкесскому активисту Руслану Гващеву за участие в траурных мероприятиях, посвящённых Русско-Кавказской войне 21 мая 2017 года.²²

Руслан Гващев - известный в регионе черкесский активист, руководитель Шапсугского Хасэ, председатель Конгресса адыгов-шапсугов Причерноморья, вице-президент Конфедерации народов Кавказа и Международной Черкесской ассоциации.²³

Тем не менее, суд признал вину обвиняемого в организации несанкционированного митинга и назначил Руслану Гващеву штраф в виде 10000 рублей. В то же время, в связи с инвалидностью обвиняемого (у Руслана Гващева ампутирована одна нога), суд счел чрезмерной меру пресечения в виде 8 суток ареста и отпустил Руслана Гващева прямо из зала суда.

Черкесский активист, не согласный с оскорбительным, по его мнению, обвинением, обратился за помощью в Кабардино-Балкарский правозащитный центр с тем, чтобы добиться пересмотра его дела и

²² См. Руслан Гващев. 02.06.2017 <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/303679/>

²³ См. Приговор черкесскому активисту: власти приравняли траурные мероприятия к несанкционированным митингам. 02.06.2017 <https://caucasustimes.com/ru/prigovor-cherkesskomu-aktivistu-vlasti-priravniali-traurnye-meroprijatija-k-nesankcionirovannym-mitingam/>

признания за черкесами их права на проведение поминальных мероприятий.

Как сообщил CaucasusTimes глава Кабардино-Балкарского правозащитного центра Валерий Хатажуков, это первый случай, когда ставшие традиционными траурные мероприятия, посвященные жертвам Русско-Кавказской войны, пытаются подвести под закон о несанкционированных мероприятиях.

Ежегодно 21 мая черкесы - шапсуги Краснодарского края вместе со всем черкесским миром вспоминают жертв Русско-Кавказской войны. Однако, отмечают эксперты, впервые власти пошли на такую некорректную (оскорбительную) меру пресечения в отношении ставшего традицией для всех черкесов поминального мероприятия. Именно этот двусмысленный сигнал власти вызывает у правозащитников тревогу, поскольку продолжение подобной практики может привести к росту напряжённости в черкесском мире. Чуть позже, вслед за этим событием, силовиками Краснодарского края был задержан черкесский гражданский активист из Кабардино-Балкарии Анзор Ахохов. Его допросили при въезде в Сочи, сняли биометрические данные и развернули в обратном направлении, не дав ему въехать в город Сочи, где он должен был встретиться с краснодарскими активистами. А еще раньше, 30 июня 2014 года Нальчикский городской суд приговорил Анзора Ахохова за организацию акции против Олимпиады - 2014. Тогда активиста обвинили ни много, ни мало в незаконном хранении боеприпасов. Суд

приговорил Анзора Ахохова к шести месяцам лишения свободы условно. При этом черкесский активист был вынужден признать вину, и дело рассматривалось в особом порядке.

Многочисленные факты преследования активистов, заказные судебные процессы в отношении наиболее заметных фигур черкесского национального движения, вызывают необходимость поиска справедливого решения в международных судах.

Так, в Европейский суд по правам человека принял к рассмотрению жалобы черкесских активистов, которых российская Фемида обвинила в экстремизме. Длившаяся не один год попытка гражданских активистов из организации «Черкесский конгресс» сбросить с себя ярлык «экстремизма», наклеенный на них в России, закончилась обращением в Европейский суд. Прежде, чем искать справедливости за пределами России, активисты 4 года пытались добиться справедливости в российских судах. Все это время, как рассказывают сами активисты, они и их семьи находились под давлением - получали угрозы от сотрудников ФСБ и МВД. Случай с гражданскими активистами из «Черкесского конгресса» далеко не единичный. Расправы российской карательной машины в отношении национальных меньшинств, представителей общественных организаций, защищающих права этих меньшинств на Северном Кавказе, приобрели небывалый масштаб.

Против гражданских движений, в том числе и таких, как черкесское национальное движение, российскими законодателями были внесены поправки к статьям УК 282 – экстремизм, 280 и 280-1 УК (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму), 275–284.1 главы 29 УК РФ (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), ст. 20.29 КоАП (производство и распространение экстремистских материалов). Широкий диапазон действия этих статей позволяет ФСБ и другим силовым структурам преследовать гражданских активистов, возбуждать против них уголовные дела, сажать их на длительные сроки за публикации в социальных сетях. Так, согласно данным агентства Caucasus Times, с 2012 по 2017 год несколько десятков черкесских активистов были осуждены судами первой инстанции по статьям: разжигание ненависти и вражды, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму. Среди них: Хуадэ Аднан - гражданский активист (Майкоп); Заурбий Чундышко - гражданский активист, председатель Майкопского Адыгэ Хасэ (Адыгея); Заур Дзеукоже - гражданский активист (Адыгея); Мурат Берзегов - гражданский активист, заместитель руководителя «Черкесского конгресса», боровшийся за признание геноцида черкесов (Адыгея); Рима Гукова - блогер из Кабардино-Балкарии, признанная виновной в «разжигании межнациональной

розни и вражды» за публикацию в социальных сетях.

Вместе с тем, попытки властей подавить черкесское национальное движение не ограничиваются одними законодательными мерами. Череда таинственных убийств черкесских активистов привела к появлению слухов об использовании в отношении черкесского движения так называемых «эсКАДРОНОВ смерти», которые широко применяются российскими службами безопасности в отношении радикальных мусульман, подозреваемых в связях с террористами.

Так, в Кабардино-Балкарии при таинственных обстоятельствах скончался 26-летний журналист и черкесский активист Тимур Куашев. Уголовное дело о смерти Тимура Куашева закрыто в июне 2016 за отсутствием состава преступления. Тимур Куашев пропал вечером 31 июля 2015 года. Тело журналиста нашли 1 августа 2015 года в пригороде Нальчика. Судмедэкспертиза не выявила признаков насильственной смерти. Органы следственного управления по КБР заявляли, что эксперты обнаружили на теле Куашева след от инъекции. Однако, официальной причиной смерти Тимура Куашева, по заключению экспертов, стала острая коронарная недостаточность. Соратники активиста уверены, что он был убит из-за своей общественной деятельности. Его общественное досье проливает кое-какой свет на последние обстоятельства жизни черкес-

ского журналиста: в мае 2013 года Т. Куашев организовывал митинг против произвола сотрудников правоохранительных органов в Нальчике; 21 мая 2014 года Тимур был доставлен в УВД города Нальчик с траурного шествия, приуроченного к 150-летию окончания Кавказской войны, и отпущен без предъявления каких-либо обвинений. Позже Тимур Куашев заявил: «Были и угрозы относительно моей последней публикации в «Живом Журнале». Сказали: «Это тебе аукнется, продолжай в том же духе», не конкретизировав, о каких последствиях намекают». Куашев написал заявление, в котором потребовал привлечь полицейских, причастных к его задержанию, к уголовной ответственности. Очень скоро Тимура Куашева не будет среди живых.

Другая история, с тем же исходом. 14 марта 2010 года в Карачаево - Черкесии тремя выстрелами в голову был убит 36-летний Аслан Жуков - лидер черкесской молодежи, член неправительственной черкесской организации «Адыгэ Хасэ». Говоря о фактах преследования активистов, нельзя не сказать о специализации СМИ, которая негласно отслеживает и цензурирует информационное пространство. В министерствах печати и информации практически всех республиках Северного Кавказа появились «рабочие группы», которые специализируются на мониторинге исламских и черкесских форумов в социальных сетях, в том числе и Фейсбуке. Их задача — выявление наиболее активных блогеров и активи-

стов, чьи действия можно подвести под статьи «экстремизм», «призыв к вражде и ненависти», равно, как и публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности. В эти «рабочие группы» вовлечены журналисты государственных СМИ, юристы и представители пророссийских НПО, финансируемые из российского бюджета. Эти люди вступают в черкесские, мусульманские форумы в социальных сетях, следят за контентом этих форумов и составляют списки пользователей. Затем эти списки передаются в ФСБ, Следственный комитет и другие структуры. После чего в отношении отдельных блогеров и гражданских активистов возбуждаются уголовные дела. Основанием для преследования черкесских активистов в России служит список, состоящий из имен блогеров, журналистов и общественных деятелей, которые фигурируют во всех перечисленных «меню», и назначение которого сводится к единой цели - дискредитации черкесского гражданского движения.

Опасность черкесского национального движения для России заключается в его раздельности самовыражения: черкесы являются титульным этносом в трех регионах Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Еще одно обстоятельство делает «черкесскую проблему» особенно тревожной для России. Это наличие многочисленной диаспоры на Ближнем Востоке, которая в связи с чудовищной войной в Сирии возвраща-

ется на Северный Кавказ. По мнению правозащитников, участившиеся случаи преследования черкесских активистов напрямую связаны с ростом черкесского движения практически во всех республиках российского Северного Кавказа. Это самый многочисленный этнос в регионе, опирающийся на много-миллионную диаспору на Ближнем Востоке, в том числе и в Сирии.

Но вызывает опасение и другое: злобствующий расизм вырывается наружу, опередив добрую волю людей, когда отсутствуют прочные демократические традиции в стране. Тогда и искушение подавить любые ростки свободолюбия оказываются сильнее здравого смысла, способного разрешить самый застарелый конфликт мирным и рациональным путем. Северный Кавказ с огромным количеством «кричащих и кровоточащих» проблем из прошлого и нынешнего времени яркая иллюстрация конфронтации времен, и застрявшего там, между коррупцией и произволом российских властей «чеченского вопроса».

Кирилл Шевченко

Северный Кавказ в зеркале общественного мнения в 2017 году

В конце мая - первой половине июня 2017 года пражское информационное агентство «Medium-Orient» провело традиционный опрос общественного мнения в трех республиках северокавказского региона Российской Федерации – в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Всего в ходе опроса было опрошено 1119 человек по репрезентативной выборке. В процессе исследования респондентам, представлявшим основные народы Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, задавались вопросы о наиболее актуальных проблемах в республиках их проживания, о степени соблюдения

прав человека, об уровне коррупции, об отношении к различным республиканским и федеральным властям, а также о степени их доверия к различным социальным институтам и властным структурам.

Все это позволило получить достаточно полную и масштабную картину, весьма точно отражающую специфику социального самочувствия населения одного из наиболее проблемных регионов современной России. Полученные сведения имеют особое значение в качестве чувствительного социально-политического барометра общероссийского масштаба, поскольку, подобно Балканам, общественно-политические болезни которых часто приобретают общеевропейский характер, определяя вектор дальнейшего развития европейского континента, Кавказ в наиболее яркой, концентрированной и зачастую драматичной форме отражает весь спектр социальных проблем, характерных для России в целом.

Социально-экономическое и гражданско-правовое самочувствие населения, проблемы коррупции и права человека на Северном Кавказе по данным опроса общественного мнения

Отвечая на вопрос о том, в чем состоит самая актуальная проблема Вашей республики, треть респондентов (34,1%) указала на «коррупцию правящих элит». На втором и третьем месте по актуальности оказались социально-экономические проблемы (25,7%) и проблемы безопасности (22,9%). При этом 12,3% опрошенных усматривают главную проблему в религиозной сфере и лишь 1,3% - в межэтнической сфере. Лишь 3,7% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос. Примечательно, что, если более ранние социологические исследования «Medium-Orient» постоянно выявляли значительно более высокую степень озабоченности населения социально-экономическими проблемами и проблемами безопасности, то сейчас большинство усматривает основную проблему в коррупции в высших сферах власти. Это, судя по всему, отражает растущую неудовлетворенность населения галопирующими социальным расслоением между «верхами» и «низами» российского социума и связанное с этим социальное напряжение как в северокавказском регионе, так и в России в целом.

При ответе на вопрос о том, как изменилось экономическое положение Вашей семьи за последние 12 месяцев, лишь 16% опрошенных ответили, что оно «улучшилось». Значительно большее число респондентов - 23,9% - отметило, что экономическое положение их семьи ухудшилось. При этом 27,2% заявило, что их положение «скорее улучшилось» и 25,9% - «скорее ухудшилось». Таким образом, общее число тех, чье экономическое положение улучшилось или «скорее улучшилось», составило 43,2%; общее число тех, чье экономическое положение ухудшилось или «скорее ухудшилось», составило 49,8%, т.е. количество ощущающих общее ухудшение своего положения на 6,6% превысило число тех, кто считает, что их положение улучшилось. Достаточно большое число опрошенных – 7% - затруднились с ответом на данный вопрос.

Вопрос «считаете ли Вы, что права человека в Вашей республике соблюдаются в полной мере?» выявил достаточно высокую степень неудовлетворенности населения соблюдением прав человека. Так, 38,8% опрошенных отрицательно ответили на данный вопрос, что значительно превышает 12,7% респондентов, считающих, что права человека соблюдаются. При этом, 28,9% полагает, что права человека «скорее не соблюдаются», и только 16,6% - «скорее соблюдаются». Общее количество тех, кто считает, что права человека «не соблюдаются», либо «скорее не соблюдаются», составляет, таким образом, 67,7%. Общее число тех, кто полагает, что

права человека «соблюдаются», либо «скорее соблюдаются», составило лишь 29,3%. Таким образом, общее число неудовлетворенных соблюдением прав человека в республиках Северного Кавказа (67,7%) более чем в два раза превышает число тех, кто в целом удовлетворен соблюдением прав человека (29,3%).

Вопрос о том, какие именно права и свободы человека соблюдаются в Вашей республике в меньшей степени, выявил наиболее проблемную ситуацию в области свободы слова. Так, почти в трех опрошенных республиках Северного Кавказа (27,3%) респондентов указали, что в наименьшей степени в их республике соблюдается именно право на свободу слова. Вторым наиболее проблемным аспектом в области соблюдения прав и свобод человека стало соблюдение избирательных прав граждан (15,9%). Кроме того, сильную степень обеспокоенности опрошенных вызвало соблюдение права на жизнь (8,6%), право на проведение публичных мероприятий (8%), а также, что примечательно, право на свободу вероисповедания (7,9%), право на свободное передвижение по территории России (6,4%) и право пользоваться родным языком (2,9%). При этом значительное число опрошенных – 16% - затруднились с ответом на данный вопрос. Характер ответов на данный вопрос, и прежде всего, то обстоятельство, что предметом особой озабоченности опрошенных стало соблюдение свободы слова и из-

бирательных прав граждан, свидетельствует о возросшей степени общественно-политической и социальной активности населения Северного Кавказа.

Ответы на вопрос о том, в какой сфере Вы в большей степени сталкивались с проявлениями коррупции, выявили, что чаще всего население сталкивалось с коррупцией в сфере образования. Так, 17,2% заявило о том, что они встречались с проявлениями коррупции в сфере образования (школы, вузы); 13% сталкивались с коррупцией в области здравоохранения, 7,6% - в правоохранительных органах и 1,8% - фискальных органах (налоговая служба). Вместе с тем, 53,2% респондентов заявили о том, что они не сталкивались с проявлениями коррупции. В целом характер ответов на данный вопрос соответствует результатам предыдущих опросов общественного мнения, проводившихся информационным агентством «Medium-Orient», когда сфера образования, здравоохранение и правоохранительные органы также фигурировали в качестве главных институтов, где население сталкивалось с различными проявлениями коррупции.

Степень удовлетворенности населения своим социально-экономическим положением, а также соблюдением своих прав и свобод предопределили ответы респондентов на вопрос о том, планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну или в другой регион на длительное проживание. Чуть более половины опрошенных – 56% - отрицательно ответили на данный вопрос. Планируют переехать

на длительное проживание в другую страну или регион в ближайшее время 14,6%. При этом 11,3% «скорее планируют» подобный переезд и 14,7% «скорее не планируют» смену места жительства. 3,5% опрошенных не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, в общей сложности более четверти опрошенных (25,9%) планируют отъезд из своей республики за границу или в другой регион России на постоянное место жительства, при этом 14,6% уже приняли окончательное решение по этому поводу. Это достаточно высокая цифра, свидетельствующая о том, что в силу различных причин значительная часть населения имеет весьма сильную степень мотивации оставить свою республику и переселиться в более благополучные страны или регионы России.

Между тем широко распространенная неудовлетворенность социально-экономическим положением и степенью прав и свобод в регионе, судя по всему, не оказали сколько-нибудь заметного негативного влияния на национальную или государственно-правовую идентичность населения. Так, отвечая на вопрос: «какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации?» - 53,9% указали «гордость», 27,7% - «спокойную уверенность», 9,8% - «никаких чувств». Лишь 3,6% указали «ущемленность», 2,1% - «обиду» и 2,9% затруднились с ответом на данный вопрос. В целом позитивное отношение к собственной национальной принадлежности и

отсутствие каких-либо комплексов на этом основании продемонстрировали, таким образом, 91,4%. Явные негативные эмоции, связанные с фактом своей национальной принадлежности, обнаружило лишь 5,7% опрошенных (3,6% - «ущемленность» и 2,1% - «обида»).

Несколько большую степень негативных эмоций у опрошенных вызвало гражданство. Так, при ответе на вопрос: «какие чувства у Вас вызывает ощущение того, что Вы – гражданин России?» - 33,3% указало «гордость», 25,2% - «спокойную уверенность» и 26,7% - «никаких чувств». При этом, 6,3% указало «ущемлённость», 4,9% - «обиду» и 3,6% затруднились с ответом. Таким образом, в общем позитивное или позитивное отношение к своей государственно-правовой принадлежности продемонстрировало 85,2% опрошенных. Ярко выраженные негативные эмоции в связи с гражданством выразили 11,2% респондентов. В целом психологическая неудовлетворенность гражданством (11,2%) заметно превышает психологическую неудовлетворенность своей национальной принадлежностью (5,7%). Примечательно также, что опрошенные в значительно большей степени оказались индифферентными к своему гражданству (26,7% респондентов не испытывает «никаких чувств» по поводу своего гражданства), чем к своей национальной принадлежности (лишь 9,8% не испытывает «никаких чувств» по поводу своей национальной принадлежности).

Ответы на вопрос: «гражданином какой страны Вы хотели бы быть?» -выявили, что подавляющее большинство опрошенных – 62,7% - предпочитают гражданство России. 13,2% опрошенных предпочел бы иметь гражданство какой-либо европейской страны; 9,2% - гражданство Турции и 6,8% - гражданство США. 6,5% не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, несмотря на широко распространенную неудовлетворенность социально-экономическим положением и степенью соблюдения прав и свобод, подавляющее большинство опрошенных (62,7%), тем не менее, предпочитает российское гражданство, что, очевидно, может объясняться весьма высоким статусом гражданства России среди других стран СНГ. Второе, третье и четвертое места по привлекательности для населения занимает соответственно гражданство европейских стран (13,2%), гражданство Турции (9,2%) и гражданство США (6,8%).

Ответы на вопрос, касающийся социальных ожиданий жителей северокавказских республик, выявили как высокую степень фатализма респондентов, так и осторожный оптимизм. Отвечая на вопрос о том, как в ближайшие 12 месяцев изменится Ваша жизнь – улучшится, ухудшится, или останется без изменений - наибольшее число респондентов – 40% - предпочло философско-фаталистический ответ: «На все воля Всевышнего!». Еще 30% полагает, что жизнь останется без изменений, 17,1% респондентов уверены в том, что жизнь улучшится и 10,1%

- ухудшится. Только 2,5% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, из числа тех, кто предпочел высказать прямое предположение о возможном ухудшении или улучшении их жизни в ближайшее время, оптимисты, полагающие, что их жизнь улучшится (17,1%) заметно преобладают над пессимистами, уверенными, что их жизнь ухудшится (10,1%).

Отношение к религии и к конфессиональной политике властей в республиках Северного Кавказа по данным опроса общественного мнения

Отдельный блок вопросов, посвященный положению в конфессиональной сфере республик Северного Кавказа, позволил выявить степень религиозности населения, его отношение к соблюдению прав верующих в отдельных республиках, а также отношение населения к политике республиканских и федеральных властей в конфессиональной области.

Вопрос о том, какую роль играет религия в Вашей жизни, выявил достаточно высокую степень религиозности населения Северного Кавказа. Большинство опрошенных (64,4%) указало, что религия играет большую роль в их жизни и еще 17% заявило о том, что религия играет «скорее большую роль» в их жизни. Существенно меньшее число респондентов считает, что религия играет несущественную роль в их жизни. Так, 10,9% определило роль религии как «незначительную» и лишь 6,6% полностью отрицало какое-либо значение религии в своей жизни. Таким образом, общее число тех, кто считает, что религия занимает большое или «скорее большое» место в их жизни, составило 81%, т.е. давляющее большинство населения. Число тех, кто заявил о том, что религия либо вообще не играет какой-либо роли в их жизни, либо играет несуще-

ственную роль, составило лишь 17,5%, что свидетельствует о возрастающей роли религии и церкви в северокавказском обществе.

Большой интерес представляют ответы респондентов на вопрос о том, соблюдаются ли права мусульман в Вашей республике. Примечательно, что почти половина опрошенных (44,2%) заявило, что права мусульман в их республике полностью соблюдаются; еще 31,8% опрошенных полагают, что права мусульман «скорее соблюдаются». Только незначительное меньшинство - 7,5% респондентов – полагает, что права мусульман не соблюдаются и 12,6% считает, что права мусульман «скорее не соблюдаются».

Таким образом, общее число тех, что считает, что права мусульман соблюдаются либо «скорее соблюдаются», составило 76%. Количество тех, кто полагает, что права мусульман не соблюдаются либо соблюдаются не в полной мере, составило 20,1%. Лишь 3,8% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Хотя подавляющее большинство респондентов в целом удовлетворены соблюдением прав мусульман, тем не менее, пятая часть опрошенных, в той или иной степени недовольная соблюдением прав мусульман, представляет собой довольно тревожный индикатор, свидетельствующий о ряде неблагополучных тенденций в конфессиональной сфере.

Оценка политики властей в отношении мусульман

Ответы на вопрос об отношении федеральных властей к мусульманскому населению России выявили в целом позитивную оценку федерального центра респондентами на Северном Кавказе. Так, 33,6% опрошенных положительно оценили политику федеральных властей по отношению к мусульманам России, 31,3% оценили данную политику «скорее положительно»; в то же время, лишь 14% респондентов отзывались о данной политике отрицательно и 11,3% - «скорее отрицательно». В целом количество оценивающих политику федерального центра положительно или «скорее положительно» составило 64,9%, что значительно превышает число оценивших данную политику отрицательно или «скорее отрицательно» (25,3%). Вместе с тем, четверть респондентов, в той или иной мере неудовлетворенных политикой федерального центра в отношении мусульманского населения, отражают наличие серьезного конфликтного потенциала в регионе. 9,8% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос.

Данные результаты в целом сравнимы с ответами респондентов на вопрос о том, как они оценивают политику республиканских властей в отношении мусульманского населения. Положительно политику республиканских властей в отношении му-

сульман оценило 40,5% респондентов, «скорее положительно» - 27%; отрицательно – 12,2% и «скорее отрицательно» - 11,3%. Общее число оценивших политику республиканских властей в отношении мусульман положительно или «скорее положительно» составило, таким образом, 67,5% опрошенных; общее число тех, кто оценил данную политику отрицательно или «скорее отрицательно» составило 23,5%.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оценка политики республиканских властей в отношении мусульманского населения респондентами оказалась несколько более высокой, чем их оценка политики федеральных властей в данном вопросе. Так, если политику федерального центра в отношении мусульман положительно или «в целом положительно» оценило 64,9%, то политику республиканских властей в этом вопросе положительно или «в целом положительно» оценило 67,5%. Соответственно, отрицательно или «скорее отрицательно» политику федеральных властей оценило 25,3% респондентов, тогда как общая отрицательная оценка республиканских властей в данном вопросе составила 23,5%.

Уровень доверия к различным социальным институтам и к структурам власти на Северном Кавказе по данным опроса общественного мнения

Отдельный блок вопросов в ходе изучения общественного мнения на Северном Кавказе был призван выявить степень доверия населения к различным социальным институтам и органам власти, включая доверие к различным церковным организациям.

Вопрос о том, насколько Вы доверяете русской православной церкви, выявил весьма низкую степень доверия респондентов данному социальному институту. Полностью доверяет русской православной церкви лишь 6,5% опрошенных, «скорее доверяет» только 8,7%; при этом полностью не доверят 31% респондентов и «скорее не доверяет» 21,1%. Около трети опрошенных – 32,7% - не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, общее число не доверяющих или склонных не доверять русской православной церкви составило 52,1% опрошенных, что значительно превышает общее число доверяющих или склонных доверять (15,2%). Столь низкий процент доверия, очевидно, связан не только с относительно малым числом православного населения в республиках Северного Кавказа, но и с высокой степенью интегрированности русской православной церкви в российские

властные структуры, что не способствует росту популярности церкви среди широких кругов населения.

Вопрос о доверии населения духовному управлению мусульман в северокавказских республиках выявил, что полностью доверяют данной структуре 20,9% опрошенных, «скорее доверяют» 24,8%, полностью не доверяют – 13,5% и «скорее не доверяют» 12,7%. При этом 28% затруднилось с ответом на данный вопрос. Таким образом, общее число доверяющих или «скорее доверяющих» духовному управлению мусульман республик составило 45,7%; при этом общее число не доверяющих или «скорее не доверяющих» составило на порядок меньшую цифру - 26,2%. Судя по ответам на данный вопрос, традиционные исламские церковные структуры в республиках, несмотря на их связи с местными властями и общее падение популярности, тем не менее, продолжают сохранять доверие и популярность среди широких слоев населения в регионе.

Примечательно, что степень доверия к исламским религиозным общинам оказалась несколько ниже, чем к духовному управлению мусульман в республиках. Так, опрос выявил, что исламским религиозным общинам полностью доверяют 17,8% респондентов, «скорее доверяют» 21,3%, полностью не доверяют 19,6% опрошенных и «скорее не доверяют» 13,5%. В целом количество доверяющих или «скорее доверяющих» составило 39,1%, тогда как

количество не доверяющих или «скорее не доверяющих» составило 33,1%. Почти треть опрошенных – 27,9% - не смогла дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, если о своем полном или частичном доверии духовному управлению мусульман в республиках заявило 45,7%, то неформальным исламским религиозным общинам доверяет 39,1% опрошенных, что несколько ниже.

Большой интерес представляют ответы респондентов о степени их доверия к международным правозащитным организациям; при этом уровень доверия в целом оказался довольно низким. Лишь 11% респондентов заявили о своем полном доверии к международным правозащитным организациям; еще 17,1% заявили, что они «скорее доверяют» данным структурам. Значительно большее число опрошенных – 21,6% - полностью не доверяют правозащитным организациям и 19,1% - «скорее не доверяют». Общий уровень доверия к международным правозащитным организациям, таким образом, составляет только 28,1%, тогда как число тех, кто не доверяет или «скорее не доверяет» данным структурам, составляет 40,7%. При этом около трети опрошенных – 31,2% - не смогли ответить на данный вопрос. Очевидно, столь невысокий уровень доверия к международным правозащитным структурам среди населения Северного Кавказа является как результатом негативного освещения их деятельности в российских центральных и местных СМИ, доминирующими

щих в регионе, так и отсутствием зримых практических результатов их деятельности в северокавказских республиках.

Наоборот, уровень доверия населения к таким традиционным структурам социальной самоорганизации в регионе как род или тейп, оказался весьма высоким. Так, 26,9% заявили о своем полном доверии к традиционным институтам в виде рода или тейпа; 22,6% заявили, что они «скорее доверяют» данным институтам. Лишь 11% им не доверяют и 12,2% «скорее не доверяют».

В целом число доверяющих традиционным институтам составило 49,5% опрошенных; общее количество тех, кто не доверяет данным институтам, составило 23,2%. Значительное число опрошенных – 27,3% - затруднились с ответом на данный вопрос. Это обстоятельство, а также относительно высокий процент респондентов, в целом не доверяющих традиционным социальным институтам (23,2%), свидетельствует об определенной утрате авторитета данными институтами среди населения в новых усложнившихся условиях.

Большой интерес представляют ответы на вопрос об уровне доверия к российской армии, который оказался весьма высоким. О своем полном доверии к российской армии заявила треть респондентов – 33,5%; еще 20,6% «скорее доверяет» российской армии. Полностью не доверяют российской армии только 13% респондентов и «скорее не доверяют» 12% опрошенных. Общий уровень доверия к

российской армии, таким образом, достигает 54,1%, существенно превышая, что любопытно, общий уровень доверия к традиционным социальным институтам в виде рода или тейпа (49,5%). Общее число тех, кто в той или иной мере не доверяет российской армии, не превысило 25% респондентов. Столь высокая степень доверия к российской армии может объясняться как её большей связью и интегрированностью с населением вследствие всеобщей воинской обязанности, так и постоянным позитивным освещением действий российской армии, в частности, в Сирии, со стороны российских СМИ. Кроме того, значительной частью общества армия воспринимается как социальный институт, не связанный напрямую с политикой и просто выполняющий свой долг по защите родины от внешней угрозы.

Уровень доверия населения к полиции оказался прямо противоположным. Лишь 6,5% опрошенных указали, что они полностью доверяют полиции и 13,2% - «скорее доверяют». Вместе с тем, 32,9% указали, что полиции они полностью не доверяют и 24,4% - «скорее не доверяют». Общий уровень доверия полиции в северокавказских республиках, таким образом, составил лишь 19,7%, в то время как общее число тех, кто не доверяет полиции, составило 57,3%, т.е. почти в три раза больше. Данные цифры представляют собой явный контраст в сравнении с уровнем доверия армии, составляющей 54,1%.

Столь низкий процент доверия к полиции вполне закономерен, так как полиция традиционно воспринимается населением как одна из наиболее коррумпированных структур в системе российской власти.

Еще более низким оказался общий уровень доверия населения к прокуратуре. Лишь 5,7% респондентов доверяет прокуратуре полностью и 10,4% «скорее доверяет» данной структуре; при этом полностью не доверяют прокуратуре 37,4% и «скорее не доверяют» 24,4% респондентов. 22,2% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Общее число тех, кто полностью или частично не доверяет прокуратуре, составило, таким образом, 61,8%, в то время как общее число доверяющих прокуратуре составило только 16,1% опрошенных. Прокуратура, таким образом, оказалась одним из наименее уважаемых в обществе институтов, пользующихся наименьшим уровнем доверия среди населения республик Северного Кавказа.

Крайне низким оказался и уровень доверия населения к прессе. Так, всего 4,4% опрошенных полностью доверяет прессе и 10,4% «скорее доверяет» прессе. Наибольший процент опрошенных – 38% - прессе полностью не доверяет; при этом 25,1% респондентов прессе «скорее не доверяет». 22,2% респондентов не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Общее число тех, кто в той или иной степени доверяет прессе, составило лишь 14,8%; число тех, кто полностью или частично прессе не доверяет, достигло 63,1%. Столь низкий

уровень доверия к прессе, судя по всему, может объясняться резким падением роли независимых СМИ в северокавказском регионе и монополией официальных и проправительственных изданий в местном медийном поле.

Достаточно низким оказался и уровень доверия населения к федеральному правительству. О своем полном доверии к федеральному правительству заявило лишь 7,6% опрошенных; 13,2% федеральному правительству «скорее доверяет». При этом почти треть опрошенных - 27,9% - федеральному правительству полностью не доверяет и 23,7% «скорее не доверяет». 27,6% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. В целом о своем доверии федеральному правительству заявило 20,8% респондентов; значительно большее число опрошенных - 51,6% - правительству либо не доверяет полностью, либо «скорее не доверяет».

Примечательно, что степень доверия населения к республиканским правительствам оказалась даже ниже, чем к федеральному правительству. О своем полном доверии к региональному правительству заявило лишь 5,9% респондентов; «скорее доверяют» региональному правительству только 11,1% опрошенных. При этом полностью не доверяют правительствам в регионах 35,7% респондентов, а «скорее не доверяют» 23,9% опрошенных. Таким образом, общее число тех, кто в разной степени не доверяет региональному правительству, составило 59,6%, что

во много раз превышает число тех, кто в разной степени склонен доверять региональным правительствам (17%). Примечательно при этом, что степень недоверия опрошенных к федеральному правительству (51,6%) оказалась существенно ниже, чем степень их недоверия к региональным правительствам (59,6%). Очевидно, что глубокий социально-экономический кризис в регионе и неспособность властных структур к эффективному управлению ассоциируются у населения северокавказских республик в большей степени с деятельностью региональных, а не федеральных властей.

Крайне низким оказался и уровень доверия населения к муниципальным властям на Северном Кавказе. Полностью доверяют своим муниципальным властям лишь 5,3% респондентов; «скорее доверяют» только 8,5% опрошенных. 23% затруднились с ответом на данный вопрос. Подавляющее большинство опрошенных высказали свое недоверие муниципальным властям. Так, 40,1% респондентов заявили о своем полном недоверии муниципальным властям и еще 23,1% указали, что они муниципальным властям «скорее не доверяют». Общее число тех, кто в разной степени не доверяет муниципальным властям, составило 63,2%. Процент тех, кто полностью или частично доверяет муниципальным властям, не превысил 13,8% опрошенных. Таким образом, степень недоверия к муниципальным властям (63,2%) даже превысила степень недоверия

к региональным правительствам (59,6%). Столь низкий уровень доверия напрямую связан с многолетним разочарованием населения в деятельности местных властей, страдающих от высокого уровня коррупции на разных этажах власти и плохо справляющихся с решением местных хозяйственных вопросов.

Весьма низким оказался и уровень доверия населения к политическим партиям. Лишь 4,2% опрошенных полностью доверяют политическим партиям и 7,2% респондентов доверяют им частично. Вместе с тем, почти половина всех опрошенных – 40,1% - полностью не доверяют партиям и 25,1% «скорее не доверяют». Таким образом, общее количество тех, кто в различной степени не доверяет политическим партиям, составило 65,2% опрошенных, тогда как число тех, кто полностью или частично доверяет политическим партиям, не превысило 11,4% респондентов. Столь низкая степень доверия к политическим партиям связана с тем, что партии воспринимаются значительной частью населения как маловлиятельные и полностью зависимые от власти марионеточные структуры, преследующие свои узокорпоративные цели и в целом не оказывающие какого-либо серьезного влияния на положение в регионе.

Одной из самых низких оказалась и степень доверия населения северокавказских республик к судебной системе. Рекордно низкое число респонден-

тов – 3,7% - заявило о том, что оно полностью доверяет судам и 9,8% - «скорее доверяет». 21,5% опрошенных не смогли ответить на данный вопрос. Полностью не доверяют судам 42,5% опрошенных и еще 22,4% «скорее не доверяют». Общая картина в северокавказском регионе представляется крайне неблагоприятной для судебной системы: в целом судам не доверяют и «скорее не доверяют» 64,9% опрошенных, т.е. подавляющее большинство. О своем полном или частичном доверии судам заявили лишь 13,5% респондентов, что в целом отражает широко распространенное в обыденном сознании негативное представление о судебной системе как коррумпированной и полностью зависимой от властей структуре.

Опрос выявил довольно низкий уровень доверия населения к республиканским парламентам. Только 5,2% респондентов заявили о полном доверии парламенту своей республики и 12,7% заявили, что они «скорее доверяют» республиканскому парламенту. Почти четверть опрошенных – 24,8% - затруднилась с ответом на данный вопрос. 37,4% респондентов полностью не доверяют и 20% «скорее не доверяют» парламентам своих республик. В целом республиканским парламентам не доверяет 57,4% респондентов, в то время как число тех, кто в той или иной степени им доверяет, составило лишь 17,9% опрошенных.

Примечательно, что уровень доверия населения Северного Кавказа к общероссийскому парламенту, т.е. к Федеральному собранию России, оказался существенно выше, чем к республиканским парламентам. Так, полностью доверяют Федеральному собранию 16,8% опрошенных и «скорее доверяют» 17,5%. Вместе с тем, полностью не доверяют высшему органу законодательной власти России 23,9% и «скорее не доверяют» 14,9%. При этом 26,8% затруднилось с ответом на данный вопрос. Общее число тех, кто в разной степени доверяет Федеральному собранию РФ, составило 34,3%. Общее число тех, кто в той или иной степени не доверяет Федеральному собранию, составило 38,8%. Таким образом, если республиканским парламентам доверяет лишь 17,9%, то уровень доверия Федеральному собранию оказался намного выше, составив 34,3%.

Результаты опроса свидетельствуют, что из всех властных структур наибольшим доверием населения Северного Кавказа пользуется президент Российской Федерации. О своем полном доверии президенту России заявило 40,3% опрошенных – рекордно высокое число в сравнении с другими властными структурами. Примерно пятая часть опрошенных – 19,7% – заявили о том, что они «скорее доверяют» президенту России. Полностью не доверяют президенту России 13,9% респондентов и «скорее не доверяют» 9,4%. При этом 16,7% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Общее

число тех, кто в той или иной степени доверяет российскому президенту, составило 60% опрошенных, что намного превысило аналогичные показатели в отношении других структур власти и социальных институтов России. Общее число тех, кто не доверяет или «скорее не доверяет» российскому президенту, составило 23,3% респондентов.

Причины относительно высокой популярности В. Путина среди населения Северного Кавказа и России в целом являются дискуссионной темой. В любом случае, загадка данного феномена заключается в особенностях личности российского президента, в специфике его публичного поведения, в его умении учитывать особенности целевых аудиторий, а также в тщательно выстроенной российскими СМИ кампании по созданию и продвижению его позитивного имиджа среди населения. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что В. Путин весьма умело и творчески использует внешнеполитические вызовы и сложности, испытываемые Россией, для усиления собственной популярности и для мобилизации общественного мнения в свою пользу.

Тенденция более высокой степени доверия населения Северного Кавказа к федеральным структурам, нежели к их аналогам на республиканском уровне, проявилась и в отношении к институту президентской власти. Опрос показал, что доверие населения к президентам республик Северного Кавказа оказалось намного ниже, чем к российскому президенту. Так, полностью доверяют президентам

республик лишь 10,6% респондентов и «скорее доверяют» 12,7%. Полностью не доверяют президентам республик 40,8% и «скорее не доверяют» 15,8%, при этом 20,1% затруднился с ответом на данный вопрос. Общее количество респондентов, в разной степени доверяющих президенту своей республики, составило, таким образом, 23,3%, что намного ниже уровня доверия президенту России (60% респондентов). Общее число тех, кто в разной степени не доверяет президенту своей республики, составило 56,6%, что, в свою очередь, значительно выше уровня недоверия российскому президенту (23,3%). Таким образом, уровень доверия президенту России среди населения Северного Кавказа оказался почти в три раза выше, чем уровень доверия президентам республик Северного Кавказа.

Крайне низким оказался и уровень доверия населения северокавказских республик к международным организациям. Полностью доверяет международным организациям только 4,5% опрошенных и «скорее доверяет» 13,7% респондентов. Полностью не доверяет международным организациям 24,9% респондентов и «скорее не доверяет» 24,8%. При этом около трети респондентов – 32,1% - затруднились ответить на данный вопрос. Всего международным организациям в той или иной степени доверяет лишь 18,2% респондентов, в то время как общее число тех, кто международным организациям не доверяет или «скорее не доверяет», составило 49,7%.

Примечательно, что уровень доверия к ФСБ оказался несколько выше, чем уровень доверия к международным организациям. Так, о своем полном доверии к ФСБ заявили 14,5% опрошенных и о частичном доверии – 13,8% респондентов. Полностью не доверяет ФСБ 29,6% и «скорее не доверяет» 18,7%. Около пятой части опрошенных – 23,5% - затруднились определиться в данном вопросе. Таким образом, в целом число в той или иной мере доверяющих ФСБ составило 28,3% респондентов, в то время как число полностью или частично доверяющих международным организациям, не превысило лишь 18,2% респондентов. Число тех, кто полностью или частично не доверяет ФСБ, составило 48,3%.

Данные опроса общественного мнения, проведенного в конце мая - первой половине июня 2017 года пражским информационным агентством «Medium-Orient», выявили достаточно сложную и во многом противоречивую картину социального самочувствия населения Северного Кавказа. Ее отличительной чертой является явное недовольство населения высокой степенью коррупции, проблемным социально-экономическим положением в регионе и неудовлетворительной ситуацией в области соблюдения основных прав и свобод. Так, почти

70% опрошенных считают, что их права нарушаются.

Вместе с тем, результаты опроса показали, что основную вину за существующие проблемы население склонно возлагать на республиканские, а не на федеральные власти. Это нашло свое выражение в значительно более высоком уровне доверия респондентов к федеральным структурам власти по сравнению с их республиканскими аналогами. Примечательно, что одной из властных структур, пользующейся наиболее высоким доверием населения, стал президент Российской Федерации, о доверии к которому заявило 60% опрошенных. В то же время, уровень доверия населения к президентам северокавказских республик не превысил 23%. В свою очередь, «рекордсменами» с точки зрения наиболее низкой степени доверия населения в северокавказских республиках стали политические партии (им доверяет лишь 11,4% опрошенных) и суды (им доверяет лишь 13% респондентов).

Важной отличительной чертой, которая была выявлена в ходе социологического исследования, стала высокая степень разочарованности и недоверия населения к основным структурам гражданского общества. Это проявилось в весьма низком уровне доверия к средствам массовой информации, к политическим партиям, к правозащитным организациям и к международным организациям в целом. Своего рода реакцией на общую неудовлетворенность своим положением в республиках Северного

Кавказа стал рост религиозности населения; и разочарование в традиционных институтах гражданского общества только усиливают этот тренд. Так, общее число тех, кто считает, что религия занимает большое или «скорее большое» место в их жизни, составило 81%.

Танзила Чабиева

Ингушетия в зеркале общественного мнения в 2017 году

Республика Ингушетия в настоящее время характеризуется наличием острых противоречий между различными социальными группами, в том числе между религиозными общинами и властью, с одной стороны, и между властью и тейпами - с другой. Между тем за последние годы в Ингушетии наблюдается рост авторитета различных религиозных общин на фоне падения рейтинга государственных институтов и региональных властей. И если ранее эксперты констатировали эту динамику на основании собственных наблюдений, то в настоящей

статье данное обстоятельство подтверждается результатом проведенного опроса в ингушской среде, которая была представлена городским и сельским населением.

При такой работе в конкретном поле, как включенное наблюдение, как правило, эксперт обращает свое внимание на то, каким образом местное население идет на контакт, какими эмоциональными характеристиками при этом сопровождаются диалоги с респондентами и т.д. Первое, что оказалось в фокусе наблюдения – это абсолютное нежелание принимать участие в опросе, страх и предубеждение, что информация будет использована в личных целях и другие опасения. Впрочем, отрицательный ответ также является ответом, следовательно, в данных результатах нами будет обозначено и это обстоятельство.

Главные проблемы Ингушетии в свете социологических опросов

31,1 % - доминирующее число опрошенных респондентов в Республике Ингушетия, отвечая на вопрос о том, в чем состоит самая актуальная проблема в Вашей республике, указали на социально-экономические проблемы. Вариант ответа: «коррупция правящих элит» заняла второе место в рейтинге ответов респондентов - это порядка 26,7%. По сравнению с соседними регионами Дагестаном и Кабардино-Балкарией результаты ответов на данный вопрос оказались сравнительно ниже, так в первом случае – 39,8%, во втором- 38,2%. Безопасностью обеспокоены порядка 21,1% респондентов, что составляет третье место в рейтинге ответов об актуальных проблемах региона. Существенно низкий порог мы наблюдаем в результатах ответов в графе «межэтнические отношения», где основной процент составил порядка 0,2%. В сфере религиозных отношений был получен более высокий результат ответов, порядка – 17,6%, что свидетельствует об открытых и нерешенных вопросах этноконфессиональной жизни региона. 3,2% из числа опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Главными причинами высокого уровня недовольства социально-экономической ситуацией в Ингушетии, зафиксированного в ходе интервьюирования респондентов, являются устойчивые характери-

стки: высокая плотность населения, высокий уровень безработицы, отсутствие необходимого числа рабочих мест, низкий уровень оплаты труда, отсутствие социальных лифтов и многое другое. Данные факторы и сегодня в 21 веке остаются активными социальными раздражителями.

Вопрос социально-экономического благополучия Ингушетии напрямую связан с экономическим положением каждой отдельно взятой семьи. Поэтому для нас особую ценность представляет блок вопросов, связанных с оценкой экономического положения в семье. Так, за последние 12 месяцев экономическое положение в семье «скорее улучшилось» у 38,1% опрошенных и «улучшилось» у 14,2% респондентов. При этом у 26,5% респондентов она «скорее ухудшилась» и у 13,2% «ухудшилась».

Права человека в Ингушетии

Ответы на вопрос: «считаете ли Вы, что права человека в Вашей республике соблюдаются в полной мере?» выявили высокий уровень отсутствия удовлетворенности респондентов соблюдением их прав в республике. Наибольшее число респондентов - 35,0% отметило, что права человека в Ингушетии не соблюдаются и еще 26,2% - «скорее не соблюдаются». 16,9% респондентов утверждают, что права человека соблюдаются в полной мере и еще 19,0% - «скорее соблюдаются». Затруднились с ответом на данный вопрос 2,8% опрошенных.

В целом, значительное большинство опрошенных ингушей - 61,2% отмечают, что права человека в Ингушетии не соблюдаются и лишь 35,9% респондентов склонны к мнению, что права человека в данном регионе в определенной степени соблюдаются.

Следующий вопрос: «какие из прав и свобод человека соблюдаются в Вашей республике в меньшей степени?» продемонстрировали значительное недовольство уровнем основных гражданских свобод.

Так, преобладающее количество опрошенных респондентов - 27,1% отметило, что в наименьшей степени в Ингушетии соблюдается право на свободу слова, что закладывает определенную потребность в формировании оппозиционных настроений в обществе и возникновение ряда общественных движений. При этом 19,0% респондентов отметили, что в

наименьшей степени в Ингушетии соблюдаются избирательные права граждан. Вызывает удивление и количество ответов на вариант: «право свободно передвигаться по территории Российской Федерации», где согласно опросу, ответы составили порядка 11,8%.

Между тем респонденты озабочены следующими вариантами ответов: соблюдение права на жизнь (3,2%), соблюдение права на проведение публичных мероприятий (5,1%), право на свободу вероисповедования (7,0%) и право на получение информации (3,7%). В наименьшей степени ингушские респонденты обеспокоены соблюдением права пользоваться родным языком (1,6%), поскольку родной язык в регионе постепенно утрачивает свою практику применения, билингвизм сохраняется зачастую на уровне определенной локальности (села, поселения), качество знания языка также имеет свои значительные пробелы. В ответах на поставленный вопрос затруднились порядка (21,3%) опрошенных.

Коррупция в зеркале общественного мнения

Любопытными оказались и ответы на вопрос о том, «сталкивались ли Вы с проявлением коррупции в течение последнего года?».

Доминирующая часть опрошенных (65,7%) респондентов ответили, что не сталкивались с коррупцией в республике. Вместе с тем, сталкивались в течение года с коррупцией порядка (20,0%) респондентов. Затруднились ответить (14,4%) опрошенных.

Отвечая на вопрос о том, в какой именно сфере Вы в большей степени сталкивались с проявлениями коррупции, респонденты чаще всего указывали сферу образования, здравоохранения и правоохранительные органы.

Религия и общество

О важной роли религиозного фактора в жизни ингушей свидетельствуют результаты ответов на вопрос: «какую роль религия играет в Вашей жизни?» Так, о значимой роли религии в своей жизни заявили 79,1% опрошенных и «скорее большой» роли религии – 19,5% респондентов. Религия играет «незначительную роль» в жизни у 0,5% опрошенных. По 0,5% мы получаем в вариантах ответов респондентов, где они затруднились с ответом на данный вопрос и в варианте: «никакую роль». Степень религиозности в Ингушетии сохраняет свой высокий показатель, о роли религиозного фактора также свидетельствует рост многочисленных религиозных общин и мечетей.

С высокими показателями религиозности совпадают и результаты ответов на вопрос: «соблюдаются ли права мусульман в Вашей республике?» Большинство опрошенных ингушских респондентов - 30,6% полагают, что права мусульман в регионе соблюдаются и 40,1% отметили, что права мусульман «скорее соблюдаются». Мнение о том, что права мусульман не соблюдаются или «скорее не соблюдаются» высказали соответственно 11,6% и 13,9% респондентов. Общее число тех, кто полагает, что права мусульман в целом соблюдаются, составило, таким образом, 79,9%, то есть подавляющее большинство опрошенных.

Оценка политики властей

Немаловажным вопросом исследования является проблема оценки политики федерального центра в отношении мусульман России. Практически равные ответы мы получаем среди респондентов в вариантах «положительно» и «скорее положительно», где соответственно - 30,9% и 31,3%. Отрицательно к проводимой федеральными властями политике отнеслись всего 13,5% и «скорее отрицательно» -14,2% респондентов. 10,2% опрошенных ингушей затруднились с ответом на поставленный вопрос. Данные ответы характеризуют положительную оценку ингушским обществом политики федерального центра в отношении религии и ее носителей.

Вызывают некоторое сомнение результаты ответов на вопрос: «как Вы оцениваете политику республиканских властей в отношении мусульман?», где в целом дается положительная характеристика, однако, в результате интервью, большинство опрошенных с негодованием отнеслись к нестабильной политике и ситуации в целом в религиозной жизни Ингушетии, где речь шла о деятельности Муфтията, новых органах и структурах, в чьих началах также сосредоточена деятельность этноконфессиональной области и т.д. Тем не менее, позитивно 38,3% респондентов оценили политику руководства республики в отношении мусульман и еще 26,2% - «скорее

положительно». Отрицательную и «скорее отрицательную» оценку политике, проводимой региональными властями в данной сфере, дали соответственно 13,5% и 13,9% опрошенных жителей Ингушетии. Подобная тенденция наблюдается и в соседних республиках.

Социальное самочувствие жителей Ингушетии

Определенную картину в регионе характеризуют ответы на вопрос: «планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну или в другой регион России на длительное проживание?», где 14,6% опрошенных ответили на данный вопрос утвердительно и еще 16,2% заявили о том, что они скорее согласны к отъезду из своей республики. Из числа опрошенных большинство респондентов - 45,0% не задаются целью переезда из Ингушетии и 17,6% «скорее не планирует» покидать родной регион. В целом, местное население достаточно комфортно чувствует себя в пределах своего региона, их тесные семейные и родственные связи играют в этом отношении ключевую роль, взаимопомощь и взаимовыручка, свойственные местным традициям и обычаям, являются неким гарантом их стабильности в повседневной жизнедеятельности.

О высоком патриотизме ингушских респондентов свидетельствует их реакция на вопрос: «какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации?», где большинство опрошенных - 45,7% испытывают в этом отношении гордость и 36,0% - «спокойную уверенность». При этом 9,5% из числа опрошенных указали, что они «не испытывают никаких чувств», 2,6% испытывают «ущемленность» и

1,6% - «обиду». Так, в Ингушетии в целом принадлежность к своей национальности в позитивном ключе испытывают 81,7% респондентов.

Ответы на вопрос о том, «какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин России?» показали, что только 14,4% испытывают по этому поводу «гордость» и 29,7% - «спокойную уверенность». Однако, как выяснилось, никаких чувств по поводу принадлежности к России не испытывают 33,4% респондентов; также, 9,0% опрошенных испытывают «ущемленность» и 8,1% - «обиду». Порядка 5,3% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

На вопрос о том, «гражданином какой страны Вы хотели бы быть?» респонденты Ингушетии продемонстрировали следующие результаты: 52,0% опрошенных предпочитают сохранить гражданство РФ, 10,9% — европейских стран, 15,5% — Турции, 10,4% — США и 2,3% — гражданство Грузии. Затруднились с ответом порядка 8,8% респондентов. Таким образом, мы наблюдаем картину весьма противоречивую: принадлежность к России у большинства не вызывает никаких чувств, но опрошенные респонденты предпочитают Россию другим странам. Это, на наш взгляд, является выражением ментальной особенности ингушей, когда предпочтается стабильность в противовес риску и новому в их жизнедеятельности.

Уровень доверия к различным ветвям власти и общественным институтам

Об уровне доверия иным религиозным организациям (немусульманским) свидетельствуют результаты ответов на вопрос: «насколько Вы доверяете русской православной церкви?» Полностью доверяют и «скорее доверяют» русской православной церкви соответственно 2,3% и 3,2% опрошенных. Полностью не доверяют и «скорее не доверяют» русской православной церкви в практически равных долях соответственно 39,4% и 36,9% респондентов. 19,0% опрошенных демонстрируют свое нейтральное отношение к этому вопросу. Такая тенденция неудивительна для республики, где русскоязычное население составляет значительное меньшинство, следовательно, иная религиозная система остается здесь невостребованной, также, как и потребность в информации о ней в среде ингушского населения. В сравнительном анализе, в частности, по Ингушетии демонстрируется самый низкий уровень доверия к православной церкви.

Безусловно, большим уровнем доверия населения пользуется духовное управление мусульман. Так, 21,3% ингушских респондентов полностью доверяют и 26,9% - «скорее доверяют» республиканскому управлению мусульман; 7,7% - полностью не доверяют и 12,5% - «скорее не доверяют». При этом 31,6% респондентов не смогли дать конкретный от-

вет на данный вопрос. Столь противоречивую картину в авторитете религиозной структуры можно оправдать сложной ситуацией, в которой находится сегодня Духовное управление мусульман Ингушетии. Сложившийся конфликт противоречий между официальными региональными властями и муфтием республики вызвал негодование в ингушском обществе, неуверенность и недоверие к той и другой стороне затянувшегося конфликта, что мы и наблюдаем в результатах исследования.

Отвечая на вопрос о том, «насколько Вы доверяете правозащитным организациям?» большинство респондентов остались в замешательстве - 27,8%. Полностью не доверяют им - 18,3%, 22,0% - «скорее не доверяют», 15,3% - полностью доверяют и 16,5% - «скорее доверяют». В Ингушетии с начала 2000-х гг. обращение в правозащитные организации, число которых было весьма незначительным, носило достаточно частый характер. При смене власти в регионе, сама структура таких организаций претерпела существенные изменения, в результате которых, утратилась прежняя конструктивность и восприятие их как вспомогательного правового инструмента при разрешении разного рода проблем в сознании ингушей стало утрачиваться.

Ответы на вопрос о том, «насколько Вы доверяете религиозным исламским общинам?» демонстрируют, что полностью не доверяют данным организациям - 7,9% и «скорее не доверяют» - 12,1% ре-

спондентов. Полностью доверяют данным структурам - 24,6% опрошенных и «скорее доверяют» еще - 29,2%. Порядка 26,2% - затруднились с ответом на данный вопрос. Данная картина также имеет свою характеристику, поскольку в Ингушетии под религиозными общинами понимается прежде всего ингушский суфизм с его структурой братств, которые и выступают в качестве аналогов последних.

Следовательно, уважительное и доверительное отношение к ним, это напрямую характерная для местной традиционной культуры ситуация. Традиционные институты в Ингушетии пользуются большим доверием, о чем свидетельствуют полученные в ходе опроса цифры. Отвечая на вопрос о том, «насколько Вы доверяете традиционным институтам?» респонденты зафиксировали разброс мнений: 27,1% респондентов отметили, что они доверяют полностью, 27,8% - «скорее доверяют». 7,2% опрошенных респондентов данным институтам «полностью не доверяют» и 16,2% - «скорее не доверяют». Затруднились с ответом 21,6%. Данный социологический факт свидетельствует о том, что ингушское общество, несмотря на влияние глобализации, по-прежнему сохраняет свою традиционность. В повседневной жизни ингушей традиционные институты востребованы и показывают свою функциональность.

Однако ингушские респонденты высказались с недоверием к российской армии: о доверии к российской армии заявили 26,2% респондентов, 19,5%

заявили о том, что они «скорее доверяют» российской армии. Полностью не доверяют 19,0% и еще 17,2% ей «скорее не доверяют». Уровень доверия к полиции в Ингушетии также демонстрирует весьма низкие результаты. Так, наибольшее число опрошенных - 30,4 % заявило о том, что они полностью не доверяют полиции и еще 38,7% - «скорее не доверяют». Полностью доверяют полиции и «скорее доверяют» соответственно только 2,6% и 7,0% респондентов. 21,3% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Нет среди опрошенных и доверия к прокуратуре. Полностью не доверяют прокуратуре 37,4% опрошенных ингушей; «скорее не доверяют» данному институту 36,4% респондентов. Полностью доверяют прокуратуре только 1,2% и еще 12,3% - ей «скорее доверяют». При этом 19,7% ингушских респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос. Общее число не доверяющих прокуратуре составило 73,8%; число тех, кто доверяет составило лишь 13,5%, что демонстрирует очень низкий показатель доверия среди населения республики.

Нет доверия среди опрошенных ингушей и к прессе. Так, порядка 39,2% опрошенных в республике заявили о том, что они полностью не доверяют прессе и 29,5% прессе «скорее не доверяют». Полностью довериться информации в прессе могут лишь 2,1% и «скорее доверяют» - 7,9%. И большое число тех, кто не смог выбрать ни один из предложенных вариантов - 21,3%.

Если политикой федерального центра в отношении мусульман в целом ингуши довольны, то уровень доверия к федеральному правительству оказался довольно низким. Полностью не доверяют федеральному правительству 25,8% опрошенных и «скорее не доверяют» еще 29,7%. Полное доверие к федеральному правительству продемонстрировали лишь 5,1% респондентов; «скорее доверяют» данной структуре 10,4% ингушских респондентов. 29,0% при этом не смогли дать ответа на данный вопрос. Это самый низкий показатель доверия в сравнительном анализе северокавказских республик в отношении федерального правительства.

Региональное правительство также не вызывает доверия у опрошенных ингушей, и в ответах мы наблюдаем картину, когда уровень доверия к местному правительству меньше их уровня доверия федеральному правительству. Так, полностью не доверяют правительству республики 33,6% респондентов; 28,8% «скорее не доверяют» местному правительству. Полностью доверяют правительству республики только 3,9%; скорее доверяют данному органу 6,7% респондентов. При этом 26,9% опрошенных остались в замешательстве. По северокавказскому региону Ингушетия демонстрирует самый высокий показатель недоверия к местной власти и к местному правительству, что отражает действительность.

На уровне критической оценки оказалось и доверие ингушей к своим муниципальным властям.

42,0% и 31,1% респондентов соответственно полностью не доверяют или «скорее не доверяют» муниципальным властям. Полностью доверяют или «скорее доверяют» муниципальным властям соответственно только 2,1% и 5,1% опрошенных ингушских респондентов. Данная картина недоверия к муниципальным властям достаточно широко распространена и в соседних регионах.

Политические партии не приобрели в Ингушетии ни популярности, ни доверия. Так, 42,7% респондентов заявили о своем полном недоверии к политическим партиям и 32,9% заявили о том, что партиям они «скорее не доверяют». Полностью и частично доверяют партиям соответственно 2,8% и 4,2% респондентов. При этом 17,4% не смогли дать ответа на данный вопрос. Местное население весьма скептически отнеслось к данному вопросу, поскольку убеждены, что и партии, и их представители - депутаты в большей степени заинтересованы в продвижении личных интересов, нежели в разрешении социально-экономических проблем, стоящих перед населением республики, и выборность на местах происходит по схеме согласования с «верхами», т.е. (не по справедливости).

Весьма недоверчиво относятся опрошенные ингуши к судебной системе в регионе. 44,5% респондентов полностью не доверяют судам и 32,0% - «скорее не доверяют». Полностью доверяют судам лишь 1,9% респондентов, «скорее доверяет» судам лишь 3,5% опрошенных. Превалирующая часть

населения, как показывает опрос, относится с недоверием к местной судебной системе, а потому обращения в шариатские суды и решение вопросов в соответствии с обычным правом ингушей представляется респондентам единственным приемлемым выходом из разного рода конфликтных ситуаций.

Не оправдывает доверия населения и республиканский парламент. 28,5% респондентов заявили о своем полном недоверии к парламенту республики; 27,4% опрошенных парламенту «скорее не доверяют». Полностью доверяют парламенту республики и «скорее доверяют» соответственно только 2,8% и 13,9% респондентов.

Также был предложен вопрос на выявление доверия местного населения российскому парламенту. Так, полностью не доверяют российскому парламенту 17,9% опрошенных и «скорее не доверяют» 11,8%. Полностью доверяют и «скорее доверяют» данному органу власти соответственно 27,1% и 22,5% респондентов. В целом, мы наблюдаем картину, когда уровень доверия парламенту России в республике выше уровня доверия к местному парламенту. Данные результаты имеют схожую картину и в соседних регионах.

Достаточно высоким доверием среди опрошенных респондентов в Ингушетии пользуется президент России. Так, 46,4% респондентов заявили, что полностью доверяют президенту России и 14,8% - ему «скорее доверяют». Полностью не доверяют президенту России 16,0% и «скорее не доверяют» -

11,8%. Затруднились дать ответ на данный вопрос порядка 10,9% опрошенных.

Стоит отметить, что показательные результаты ответов на вопрос о доверии главе республики явились важным заключительным этапом исследования. Определенно, в республике доверие к президенту страны гораздо выше доверия к главе Ингушетии. Так, полностью не доверяют главе своей республики 22,5% респондентов, 26,2% - ему «скорее не доверяют», что составляет практически половину опрошенного населения республики.

О полном доверии главе республики заявили лишь 8,8% опрошенных, еще 13,0% - ему «скорее доверяют». Недоверие к главе Ингушетии вызвано проводимой в последние годы политикой местного аппарата власти. Неразрешенными, острыми и «кричащими», остаются вопросы социально-экономического характера: не налажено местное производство, региональная экономика остается на низком уровне своего развития и ее темпы значительно отличаются от показателей соседних регионов, тотальная безработица, низкий уровень обслуживания населения (газ, электричество, водные ресурсы), отсутствие ясности и прозрачности проводимой в республике социальной и экономической политики, коррумпированность чиновников, частая смена аппарата правительства и др. В комплексе, перечисленные проблемы и их хроническая не решаемость на протяжении долгого периода времени при верховенстве одной и той же власти в республике создают

прочную платформу для недовольства общественности, что и демонстрируют результаты проведенного исследования.

Довольно низким оказался и уровень доверия к международным организациям среди опрошенных ингушей. Так, 27,4% респондентов полностью не доверяют международным организациям и 36,2% - им «скорее не доверяют». Полностью доверяют международным организациям 3,2% респондентов и «скорее доверяют» 10,9%. Данная статистика весьма схожа с результатами соседних республик.

Уровень доверия к ФСБ в Ингушетии также оказался значительно низким. О своем полном недоверии ФСБ высказались 34,6% опрошенных, 26,0% заявили о том, что ФСБ они «скорее не доверяют». Полностью доверяют ФСБ 9,3% и «скорее доверяют» - 10,4%. При этом 19,7% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. В результате интервью респонденты отмечали «своеволие» силовых структур в Ингушетии, всеобщее недоверие к представителям силовых структур.

Индекс социальных ожиданий

О своих прогнозах и перспективах будущего поделились все 100% опрашиваемых респондентов. «Как Вы думаете, каким образом в следующие 12 месяцев изменится Ваша жизнь и жизнь Вашей семьи – улучшится, ухудшится, или останется без изменений?» чуть более половины респондентов доверились судьбе и Всевышнему - 50,6; Порядка 28,8% -убеждены, что их жизнь останется без изменений. Только 9,3% респондентов ожидают, что их жизнь улучшится, 9,0% предполагают, что ухудшится; налицо паритетность в ожиданиях - обе позиции имеет практически равное соотношение.

Данные результаты можно свести к двум ключевым моментам: религиозная идентичность ингушей – ислам, вектор этот определяет их веру в будущее; взгляд через призму того, что судьба человека в руках Всевышнего, и все, что происходит с ним, является непосредственно Его волей. Второй момент: ожидания ингушей в отношении руководства республики не оправдались в очередной раз. Последние два президентских срока не изменили ситуацию с высоким уровнем коррупции в республике, а значит уровень и качество их жизни.

Ислам Текушев

Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения 2017

Опрос общественного мнения, проведенный пражским информационным агентством «Medium-Orient» в Кабардино-Балкарии в мае - июне 2017 г., выявил ряд специфических социальных и политических особенностей данного региона и позволил выявить достаточно сложную и во многом неоднозначную социокультурную картину одной из республик российского Северного Кавказа. Всего в ходе исследования в Кабардино-Балкарии было опрошено 400 респондентов, представляющих русских, кабардинцев, балкарцев и другие этнические общности, проживающие в современной Кабардино-Балкарии.

Отвечая на вопрос о том, в чем состоит самая актуальная проблема в Вашей республике, более трети опрошенных - 38,2 % - указали на коррупцию правящих элит, которая опередила по злободневности все остальные острые проблемы региона. Вторым в списке обозначенных респондентами наиболее острых проблем числятся социально-экономические проблемы. В первую очередь низкие зарплаты и резкое падение уровня жизни на фоне роста цен на продовольственные товары. О них заявили 29,5% опрошенных.

Безопасность и преступность вызывает большую обеспокоенность у 16,4% респондентов. Достаточно большое число опрошенных (9,5%) отметили в качестве главной проблему в религиозной сфере и 2,5 % респондентов - в сфере межэтнических отношений; при этом 4 % затруднились с ответом на данный вопрос.

Таким образом, наибольшее число респондентов в Кабардино-Балкарии, как и в других северокавказских республиках, в качестве наиболее актуальной проблемы сегодня считает коррупцию элит, хотя длительное время первое место по актуальности в регионе занимали проблемы безопасности. Данная тенденция является, с одной стороны, зеркальным отражением наметившегося снижения количества диверсий и терактов в регионе, а с другой - свидетельством сохраняющегося высокого уровня коррупции правящих элит в республике. При этом

62,2% респондентов заявили о том, что они сталкивались с проявлением коррупции в течение последнего года. 33,5 % респондентов ответили на данный вопрос отрицательно и 4,4% затруднились с ответом на этот вопрос.

Отвечая на вопрос о том, в какой именно сфере Вы в большей степени сталкивались с проявлениями коррупции, респонденты чаще всего указывали сферу образования, здравоохранение, правоохранительные органы, а также судебную систему. Так, наибольшее число (20,7%) респондентов сталкивались с проявлениями коррупции в сфере образования. 14,2% опрошенных указали, что чаще всего они сталкивались с коррупцией в правоохранительных органах, 13,8% - в системе здравоохранения, 8,4% - в судебной системе. Еще 2,9 % фиксировали внимание на том, что чаще всего с проявлениями коррупции они сталкивались в органах фискальной системы.

В целом распределение ответов на данный вопрос в основном соответствует результатам более ранних социологических исследований в регионе, выявлявших в качестве наиболее коррумпированных структур на Северном Кавказе здравоохранение, образование и органы внутренних дел. Однако, если в предыдущих опросах рейтинг наиболее коррумпированных сфер Кабардино-Балкарии был закреплен за системой здравоохранения, то в 2017 году здравоохранение спустилось на третье место, уступив пальму первенства системе образования.

Как отметили респонденты, в значительной степени коррупция процветает в высших учебных заведениях, а в еще большей степени - в Кабардино-Балкарском государственном университете.

Социальное самочувствие жителей Кабардино-Балкарии

Отвечая на вопрос о том, как изменилось экономическое положение Вашей семьи за последние 12 месяцев, только 17,8% респондентов отметили, что положение улучшилось и 29,8% - «скорее улучшилось». Вместе с тем, значительно большее число опрошенных - 21,5% - констатировали ухудшение экономического положения своей семьи и еще 23,6% отметили, что оно «скорее ухудшилось». Общее улучшение экономического положения своей семьи отметили в целом 47,6% опрошенных, в то время как общее ухудшение констатировали 45,1% респондентов. Таким образом, почти половина опрошенных заявили об ухудшении своего экономического положения за прошедший год. Лишь 7,3% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Права человека в зеркале общественного мнения

Ответы на вопрос, «считаете ли Вы, что права человека в Вашей республике соблюдаются в полной мере?» выявили крайне высокую степень неудовлетворенности населения соблюдением прав человека в Кабардино-Балкарии. Так, лишь 6,5% респондентов считают, что права человека соблюдаются в полной мере и еще 17,8% - «скорее соблюдаются». Наибольшее число респондентов – 41,1% - заявило, что права человека в Кабардино-Балкарии не соблюдаются и еще 32,4% - «скорее не соблюдаются». Только 2,2% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных в Кабардино-Балкарии - 73,5 % - считает, что права человека в их республике в той или иной степени не соблюдаются и лишь 24,3% респондентов склоняется к мнению, что права человека в республике в целом соблюдаются. Примечательно, что Кабардино-Балкария стала лидером по уровню нарушений прав человека среди трех республик, вошедших в данные исследования, незначительно опередив Дагестан и Ингушетию.

Уровень свобод

Реакция респондентов на вопрос о том, какие из прав и свобод человека соблюдаются в Вашей республике в наименьшей степени, также, как и в других республиках, выявила наиболее проблемную ситуацию со свободой слова. Наибольшее количество респондентов - 25,8% - отметило, что меньше всего в их республике соблюдается право на свободу слова, что, судя по всему, отражает крайне болезненную и проблемную ситуацию с независимыми средствами массовой информации в Кабардино-Балкарии. Еще одним подтверждением данного тезиса могут служить ответы респондентов, указавшие, что в меньшей степени в Кабардино-Балкарии соблюдается их право на получение информации - 9,5% опрошенных.

Второй наиболее проблемной сферой стало соблюдение избирательных прав населения. Так, 13,8% респондентов полагают, что в наименьшей степени в Кабардино-Балкарии соблюдаются именно избирательные права граждан, имея в виду упразднение института выборов глав регионов и муниципальных образований. Что, по мнению большинства опрошенных, привело к усилению коррупции правящих элит в республике.

Также, как в Дагестане и Ингушетии, предметом серьезной озабоченности жителей Кабардино-Балкарии стало соблюдение права на жизнь. Так, 12,4% респондентов выразили обеспокоенность

случаями гибели молодых людей в ходе так называемых спецопераций. 8,7% опрошенных обеспокоены соблюдением права на свободу вероисповеданий, имея в виду прежде всего преследования сторонников салафизма, ставшего наиболее популярным в молодежной среде. Меньшую обеспокоенность вызывают у жителей Кабардино-Балкарии соблюдение права на проведение публичных мероприятий - 7,6%, право пользоваться родным языком - 4,4% респондентов. Довольно значительное число опрошенных - 13,5% - затруднились с ответом на данный вопрос.

Религия в зеркале общественного мнения

Ответы на вопрос о том, какую роль религия играет в Вашей жизни, выявили в Кабардино-Балкарии несколько иную картину, нежели в соседнем Дагестане и Ингушетии, где степень религиозности населения оказалась значительно выше.

Так, о большой роли религии в своей жизни заявили 40,0% опрошенных жителей Кабардино - Балкарской Республики и «скорее большой» роли религии - 23,3 % респондентов. В то время как в Дагестане о большей роли религии в их жизни заявили 65,6% респондентов, а в Ингушетии - 79,1% опрошенных. Между тем весьма высоким оказался процент тех, в чей жизни религия занимает «незначительную роль». Так, о «незначительной роли» религии в их жизни высказались 24,7% респондентов. В то время, как в Дагестане о «незначительной роли» религии в их жизни заявили 12,8% опрошенных, а в Республике Ингушетия всего 5% респондентов. Таким образом, в общей сложности 75,4% респондентов, т.е. подавляющее большинство опрошенных в Дагестане указало на значительную роль религии в их жизни, что значительно превышает число тех, кто отрицает какую-либо роль религии (10,6%), либо считает ее незначительной (12,8%).

Степень религиозности в Дагестане уступает степени религиозности в Ингушетии (около 98% ин-

гушских респондентов считают роль религии важной или «скорее важной»), но значительно превышает степень религиозности в Кабардино-Балкарии (63,3% кабардино-балкарских респондентов считают роль религии важной или «скорее важной»).

Большинство опрошенных в Кабардино-Балкарии – 45,5% - полагают, что права мусульман в их республике соблюдаются и еще 33,1% считают, что права мусульман «скорее соблюдаются». Общее число тех, кто полагает, что права мусульман в целом соблюдаются, составило, таким образом, 78,6%, то есть подавляющее большинство опрошенных. Общее количество тех, кто, наоборот, считает, что права мусульман в Кабардино-Балкарии в целом не соблюдаются, составило лишь 17,5% респондентов. При этом 4,0% опрошенных не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Высокий процент тех, кто считает, что права мусульман в их республиках в целом соблюдаются, позволяет говорить о том, что в масштабе этих республик Северного Кавказа существующие проблемы в данной сфере пока не приобрели особой остроты.

Ответы респондентов на вопрос, «как Вы оцениваете политику федеральных властей в отношении мусульман России», также продемонстрировали в основном положительное отношение населения к политике федерального центра в этой сфере. Так, однозначно положительно политику федеральных властей в отношении мусульман оценили 24,7% респондентов и «скорее положительно» - 31,6%

опрошенных в Кабардино-Балкарии. Отрицательно к данной политике отнеслись всего 17,8% и «скорее отрицательно» - 15,3% респондентов. Довольно значительное число опрошенных - 10,5% - затруднились с ответом на данный вопрос.

Таким образом, общее число тех, кто в целом положительно оценил политику федерального центра в отношении мусульман, составило 56,3%, что значительно превышает число тех, кто в целом оценивает данную политику негативно (25,8%). Примечательно, что в целом позитивно политику федеральных властей в отношении мусульман также оценили респонденты в Ингушетии (62,2%) и в Дагестане (73,5%).

Отвечая на вопрос, как Вы оцениваете политику республиканских властей в отношении мусульман, большинство опрошенных в Кабардино-Балкарии в целом позитивно отзывалось о политике республиканских властей в данной области. Так, 31,3% респондентов оценили политику руководства Кабардино-Балкарии в отношении мусульман положительно и еще 32,7%- «скорее положительно». Отрицательную и «скорее отрицательную» оценку политике дагестанского руководства в данной области дали соответственно 11,6% и 10,9% опрошенных. Таким образом, общее количество оценивающих политику республиканского руководства в отношении мусульман в Кабардино-Балкарии в целом положительно составило 64 %, что значительно превышает

общее число тех, кто в целом оценивает данную политику отрицательно (22,5%). Таким образом, более половины респондентов в Кабардино-Балкарии в целом позитивно оценили политику руководства республики в отношении мусульман.

Индекс гражданской и этнической идентичностей жителей Кабардино-Балкарии

Особый интерес представляет блок вопросов, направленных на изучение этнического и обще-гражданского самосознания жителей Кабардино-Балкарии. Реакция респондентов на вопрос: «какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации?» показала, что подавляющее большинство опрошенных - 56,7% испытывают по этому поводу «гордость» и 24,4% - «спокойную уверенность». 9,8% опрошенных фиксировали, что они «не испытывают никаких чувств», 5,5% испытывают «ущемленность» и еще 2,2% - «обиду». Таким образом, в целом, позитивные эмоции в связи с принадлежностью к своей национальности испытывают 81,1% респондентов в Кабардино-Балкарии; при этом равнодушны по поводу своей национальной принадлежности - 9,8%; и ярко выраженные негативные эмоции в связи со своей национальностью испытывают 7,7% (чувства «ущемленности» и «обиды»). Похожее распределение ответов на данный вопрос было получено и в других северокавказских республиках. Так, в Ингушетии в целом позитивные эмоции по поводу своей национальной принадлежности испытывают 81,7% респондентов, а в Дагестане - 82,3% респондентов. Доминирование позитивных эмоций в связи с принадлежностью к своей нацио-

нальности свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне этнического самосознания у жителей Северного Кавказа.

Чего нельзя сказать об уровне общегражданского самосознания, который согласно опросу, несколько уступает этническому самосознанию. Так, ответы на вопрос о том, какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин России, показали, что 27,3% респондентов испытывают по этому поводу «гордость» и 32,0% - «спокойную уверенность». Вместе с тем, никаких чувств по этому поводу не испытывают 27,6 % респондентов; при этом, как выяснилось, 6,9% опрошенных испытывают «ущемленность» и 3,6% - «обиду». 2,5% и во все затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, в целом позитивные эмоции по поводу российского гражданства испытывают 59,3% респондентов. В тоже самое время 27,6 % опрошенных равнодушны к факту принадлежности к российской нации, а у 6,1% респондентов российское гражданство вызывает в основном негативные эмоции. Таким образом, факт национальной принадлежности вызывает у респондентов больше позитивных эмоций, чем факт российского гражданства.

Ответы респондентов на вопрос о том, гражданином какой страны Вы хотели бы быть, продемонстрировали, что 53,1% опрошенных жителей Кабардино-Балкарии предпочитают гражданство России, 21,5% - европейских стран, 7,3% - Турции, 8,4% - США и 1,5% - гражданство Грузии. Примечательно,

что число тех, кто предпочитает российское гражданство в Кабардино-Балкарии оказалось значительно ниже, чем в Дагестане, где 80,8% дагестанских респондентов заявили, что предпочитают российское гражданство.

Уровень доверия к власти и различным социальным институтам

Доверие населения к власти и ее различным ветвям является одним из индикаторов ее эффективности. К сожалению, как показал опрос общественного мнения, доверие к федеральным и региональным властям на Северном Кавказе оказалось намного ниже, чем к традиционным социальным институтам, таким, как религиозные общины и тейпы. Так, результаты опроса выявили, что уровень доверия населения к Духовному управлению мусульман в Кабардино-Балкарии оказался существенно выше, чем уровень доверия к Федеральной власти. Так, 26,9% опрошенных жителей Кабардино-Балкарии заявили о том, что они полностью доверяют республиканскому управлению мусульман (ДУМ КБР) и 29,5 - «скорее доверяет» этому институту; при этом 13,5% - полностью не доверяют ему; и 7,3% - «скорее не доверяют» данному социальному институту. 22,9% респондентов не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, общее число, в той или иной мере, доверяющих Духовному управлению мусульман в Кабардино-Балкарии, составило **56,4%**, в то время как общее число в разной степени не доверяющих данному институту также составило 20,8%.

Вместе с тем, уровень доверия населения Кабардино-Балкарии к федеральному правительству оказался довольно низким. Полностью не доверяют

федеральному правительству 20,4% опрошенных и «скорее не доверяют» - 20,7%. О своем полном доверии к федеральному правительству заявили лишь 9,5% респондентов; «скорее доверяют» данной структуре 19,3% опрошенных; при этом 30,2 % не смогли ответить на данный вопрос. Общее число тех, кто в различной степени не доверяет федеральному правительству, составило **41,1%**; количество тех, кто заявил о своем доверии правительству, составило только 28,8%.

Исламские общины

Невысоким оказался в Кабардино-Балкарии и уровень доверия к исламским религиозным общинам. В Кабардино-Балкарии не доверяют исламским религиозным организациям в общей сложности 38,5% респондентов, в то время как доверяют 33,8% из числа опрошенных. Таким образом, если в Ингушетии число доверяющих исламским религиозным структурам намного превысило число тех, кто им не доверяет, то в Кабардино-Балкарии количество не доверяющих данным организациям ненамного превысило общее число тех, кто им доверяет.

Традиционные общественные институты

Опрос выявил достаточно высокую степень доверия населения к традиционным социальным институтам в виде родов или тейпов. Отвечая на вопрос о том, насколько Вы доверяете традиционным институтам (роду, тейпу), 28% респондентов отметили, что они доверяют полностью и 25,8% - «скорее доверяют». При этом 8% опрошенных данным институтам полностью не доверяют и 10,9% - «скорее не доверяют». Почти треть - 27,3 % - не смогли дать ответ на данный вопрос. Таким образом, число тех, кто в целом доверяет традиционным институтам, составило 53,8 %, в то время как общее количество тех, кто полностью или частично не доверяет данным институтам, составило 18,9% опрошенных. Данные цифры свидетельствуют о том, что число доверяющих традиционным социальным институтам существенно превышает количество не доверяющих, и авторитет данных институтов в кабардино-балкарском обществе является доминирующим.

Более того, в Кабардино-Балкарии в отличие от Дагестана общественные настроения отличаются большим традиционализмом. Между тем, как показывает данный опрос, к традиционным социальным институтам в соседнем Дагестане доверие высказывает (41%) респондентов.

Армия

Ответы респондентов на вопрос о том, насколько Вы доверяете российской армии, выявили весьма высокий уровень доверия населения данному социальному институту. Так, о своем полном доверии российской армии заявили 33,5% респондентов, еще 20,0% заявили о том, что они «скорее доверяют» российской армии. Только 10,2% полностью не доверяют российской армии и еще 12,7% ей «скорее не доверяют». При этом 23,6% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос.

Подавляющее большинство опрошенных жителей Кабардино-Балкарии – 53,5% - таким образом, заявили о том, что они в той или иной степени доверяют российской армии, что намного превышает число тех, кто в различной степени ей не доверяет (22,9 %). Примечательно, что по степени доверия к российской армии население Северного Кавказа демонстрирует единство с остальной частью страны, где согласно данным Центра –Левады, 60% россиян выразили доверие российской армии. Общей чертой северокавказских республик является то, что число тех, кто в целом доверяет российской армии, здесь превышает количество тех, кто ей не доверяет.

Доверие к полиции

В отличие от армии, уровень доверия к полиции в Кабардино-Балкарии оказался существенно ниже. Так, 26,5% опрошенных - заявили о том, что они полностью не доверяют полиции и еще 19,3% ей «скорее не доверяют». Полностью доверяют полиции и «скорее доверяют» соответственно только 7,3% и 16,4% респондентов. Вместе с тем, 30,5% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. В целом полиции не доверяют 45,8% опрошенных в Кабардино-Балкарии, что значительно больше, чем количество тех, кто ей в целом доверяет (23,7%). Стоит отметить, что во всех северокавказских республиках число тех, кто не доверяет полиции, существенно превысило количество тех, кто ей в той или иной степени доверяет. Данный социологический факт объясняется непопулярными в обществе методами борьбы с экстремизмом, а также высоким уровнем коррупции в правоохранительной системе в целом.

Доверие к прокуратуре

Доверие к прокуратуре также оказалось на очень низком уровне. Полностью не доверяют прокуратуре 28,0 % опрошенных в Кабардино-Балкарии; «скорее не доверяют» данному институту 19,3% респондентов. Полностью доверяют прокуратуре только 8,4% и еще 15,3% ей «скорее доверяют». Почти треть опрошенных - 29,1% - не смогли ответить на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто не доверяет прокуратуре, составило 47,3% респондентов; число тех, кто доверяет данному институту, всего лишь 23,7%, т.е. почти в два раза меньшее. Столь низкий уровень доверия к прокуратуре объясняется, судя по всему, высокой степенью коррумпированности указанной структуры и растущим разочарованием населения в эффективности ее деятельности по надзору за законностью.

Доверие к прессе

Уровень доверия жителей Кабардино-Балкарии к прессе оказался столь же невысоким. Так, 34,2% опрошенных заявили о том, что они полностью не доверяют прессе и еще 27,6% прессе «скорее не доверяют». Полностью доверяют прессе лишь 2,9% и «скорее доверяют» 9,8%. Четверть опрошенных - 25,5% - не смогли дать определенный ответ на данный вопрос.

Таким образом, общее число тех, кто в различной степени склонен доверять прессе, не превысило 12,7%, что оказалось намного меньше числа их оппонентов, которые в той или иной степени прессе не доверяют (61,8%).

Столь низкая репутация прессы среди населения отражает маргинальное положение независимой прессы в регионе и полную зависимость местных СМИ от властей и правящей элиты.

Доверие к органам власти и политическим институтам

Уровень доверия жителей Кабардино-Балкарии к республиканскому и федеральному правительству также оказался не на высоте. Так, полностью не доверяют республиканскому правительству 21,1% респондентов; 23,6% «скорее не доверяют».

Вместе с тем, федеральному правительству выразили свое полное недоверие 20,4% опрошенных жителей Кабардино-Балкарии и 20,7% респондентов заявили о том, что «скорее не доверяют» ему. Полностью доверяют правительству Кабардино-Балкарии только 7,6%; о частичном доверии данному органу заявили 19,3% респондентов. При этом 28,4% не смогли ответить на данный вопрос. О своем полном доверии федеральному правительству высказались 9,5% респондентов; 19,3% опрошенных заявили о том, что «скорее доверяют ему».

Таким образом, общее число тех, кто не доверяет республиканскому правительству, составило 44,7%, а общее число тех, кто не доверяют федеральному правительству составило 41,1% опрошенных жителей Кабардино-Балкарии. Более того, такой социологический паритет в оценке доверия к двум ветвям исполнительной власти разной величины свидетельствует о равной неэффективности их деятельности в Кабардино-Балкарии. Тем не менее, наиболее высокий, даже критический уровень недо-

верия своему республиканскому правительству про- демонстрировали именно жители Ингушетии, где в той или иной степени правительству республики не доверяют 62,4% респондентов.

Уровень доверия населения Кабардино-Балкарии к политическим партиям в стране и республике опросом также фиксируется, как крайне низкий. Так, более около трети опрошенных (37,8%) заявили о своем полном недоверии к политическим партиям и еще 21,8% заявили о том, что партиям они «скорее не доверяют». Полностью и частично доверяют партиям соответственно 2,9% и 8,4% респондентов. Почти треть всех опрошенных (29,1%) не смогли дать определенный ответ на поставленный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в той или иной степени не доверяет политическим партиям, составило 59,6%. Количество тех, кто так или иначе склонен доверять политическим партиям, не превысило 11,3% опрошенных.

Между тем низкий уровень доверия к политическим партиям может рассматриваться как индикатор общей разочарованности населения в существующей партийно-политической системе, которая воспринимается общественным мнением в регионе как маловлиятельный, коррумпированный и послушный придаток властных структур, не оказывающий серьезного влияния на социально-экономическую жизнь в северокавказских республиках.

Опрос выявил и критически низкий уровень доверия населения Кабардино-Балкарии к судебной

системе в регионе. Почти половина респондентов – 30,5% - полностью не доверяют судам и еще 21,1% «скорее не доверяют». Полностью доверяют судам лишь 6,2% респондентов, что само по себе ярко характеризует отношение населения к судам и должно стать тревожным сигналом для судебной системы республики в целом. «Скорее доверяет» судам лишь 13,8% опрошенных. Таким образом, в целом судам не доверяют 51,6% респондентов, в то время как о доверии к судебной системе в республике заявили лишь 20,0% опрошенных. Столь высокий уровень недоверия населения к судам является, судя по всему, результатом широко распространенной коррумпированности и полной зависимости судов от властных структур в регионе.

Рекордно низким оказался и уровень доверия населения к республиканскому парламенту. Так, 28,4% респондентов заявили о своем полном недоверии к парламенту республики; при этом 18,9% опрошенных парламенту «скорее не доверяют». Полностью доверяют парламенту республики и «скорее доверяют» соответственно только 6,5% и 19,6% респондентов; и значительное число опрошенных жителей Кабардино – Балкарии - 26,5% - затруднились с ответом на этот вопрос. В целом с недоверием к республиканскому парламенту относятся 47,3% опрошенных и только 26,1 % заявили о своем доверии к данному органу власти.

Весьма любопытными оказались ответы респондентов на вопрос о доверии президенту России.

Рейтинг Владимира Путина оказался в Кабардино-Балкарии несколько ниже, нежели в соседних республиках. Судя по ответам респондентов, полученным в ходе опроса, 28,4% из них высказали свое полное доверие президенту России и еще 22,5% заявили о том, что «скорее доверяют» ему. При этом полностью не доверяют президенту России 17,1% и «скорее не доверяют» 13,1%. Еще 18,9% затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в той или иной степени доверяет президенту России, составило 50,9%. Вместе с тем, общее число тех, кто не доверяет президенту России, составило значительное число опрошенных - 30,2%. В Ингушетии о своем полном или частичном доверии президенту России заявили 61,2% респондентов; в Дагестане - 65,2%.

В целом в северокавказских республиках число тех, кто доверяет президенту России, существенно превысило число тех, кто ему не доверяет. Причинами высокого уровня доверия президенту России, особенно выразительного на фоне крайне низкого уровня доверия к другим властным структурам, являются, по мнению большинства опрошенных граждан республики, тщательно проводимая российскими СМИ медийная кампания по выстраиванию позитивного имиджа главы государства, а также умение самого Путина виртуозно использовать как внутриполитические, так и внешнеполитические факторы влияния для усиления своей популярности.

Существенным фактором является и то, что личность российского президента не ассоциируется напрямую с многочисленными проблемами местного порядка, ответственными за которые население в первую очередь считает региональные власти.

Между тем довольно высоким оказался уровень доверия главе Кабардино-Балкарии на фоне остальных руководителей северокавказских республик. О полном доверии главе республики заявили 16,4% опрошенных, еще 24,0 % ему «скорее доверяют». При этом полностью не доверяют главе своей республики 21,1 % респондентов, еще 13,1 % ему «скорее не доверяют». Не смогли ответить на данный вопрос 25,5%, т. е. значительное число опрошенных. Таким образом, 34,2% респондентов в целом не доверяют главе своей республики. В той или иной мере доверяют главе Кабардино-Балкарии 40,4% опрошенных.

Доверие к международным и правозащитным организациям

Невысоким оказался и уровень доверия к международным организациям. Так, 19,6% респондентов в Кабардино-Балкарии полностью не доверяют международным организациям и еще 18,2% им «скорее не доверяют». Полностью доверяют международным организациям 6,5% респондентов и «скорее доверяют» 22,2%. Почти половина опрошенных - 33,5% - затруднились с ответом на данный вопрос. Общее количество не доверяющих международным организациям составило 37,8%, что намного превысило число тех, кто в той или иной степени доверяет международным организациям (28,7%). Схожие результаты были получены и в других республиках Северного Кавказа.

Отвечая на вопрос о том, насколько Вы доверяете правозащитным организациям, 17,1% респондентов в Кабардино-Балкарии отметили, что они полностью не доверяют, 21,5% - «скорее не доверяют», 7,6% - полностью доверяют и 19,6% - «скорее доверяют». Общее число тех, кто в разной степени не доверяет правозащитным организациям, составило, таким образом, 38,6% опрошенных. Число тех, кто в той или иной мере склонен доверять правозащитным организациям, составило 27,2%. Треть опрошенных в ходе опроса - 34,2% - не смогли дать конкретный ответ конкретный вопрос. Аналогич-

ные результаты были получены и в других северокавказских республиках при ответах на данный вопрос. Так, общее число не доверяющих правозащитным организациям в Ингушетии составило 40,3%, тогда как число доверяющих правозащитным организациям в данной республике не превысило 31,8%.

В целом для северокавказских республик характерно довольно скептическое отношение к деятельности правозащитных организаций, что выражалось в заметном преобладании тех, кто склонен не доверять правозащитным организациям, над теми, кто в той или иной степени им доверяет. Данный факт стал следствием общероссийской компании по дискредитации правозащитных организаций.

Доверие к ФСБ

Примечательно, что уровень доверия к ФСБ оказался несколько выше, чем к другим силовым структурам. Полностью доверяют ФСБ 20,7% и «скорее доверяют» 17,8%. О своем полном недоверии ФСБ заявили 20,7% опрошенных, а еще 15,6 % заявили о том, что ФСБ они «скорее не доверяют». 25,1% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, ФСБ в целом не доверяют 36,3% респондентов; о своем доверии к данной силовой структуре заявили 38,5%.

Индекс социальных ожиданий

Ответы респондентов на вопрос, «как Вы думаете, каким образом в следующие 12 месяцев изменится Ваша жизнь и жизнь Вашей семьи - улучшится, ухудшится, или останется без изменений?» продемонстрировали высокий уровень неопределенности в обществе. Так, почти треть опрошенных - 40,7% - предпочла ответить: «на все воля Всевышнего!»; чуть менее четверти респондентов - 22,5% - полагают, что их жизнь останется без изменений. При этом 29,1% респондентов ожидают, что их жизнь улучшится и 4,4% опрошенных пессимистично настаивают на своем мнении – «ухудшится».

Таким образом, опрос выявил ряд весьма важных проблемных аспектов в жизнедеятельности Кабардино-Балкарской Республики и ее граждан. Несмотря на относительную внутриполитическую стабильность, 8,4% респондентов - жителей Республики заявили о своих планах покинуть регион и сменить место жительства. При этом 12,7% заявили о том, что они склоняются к отъезду из своей Республики. Впрочем, подавляющее большинство респондентов - 60,4% - не планируют уезжать из Кабардино-Балкарии и еще 16,4% «скорее не планируют» покидать свою Республику.

Таким образом, общее число тех, кто, либо принял окончательное решение уехать из республики, либо склоняется к данному решению, составило 21,1%, т.е. почти четверть опрошенных, что представляет собой довольно рискованный порог неопределенности в видах на будущее у значительной части жителей Кабардино-Балкарии. Подобные настроения свидетельствуют о достаточно высокой степени неудовлетворенности населения положением дел в республике и стремлении изменить ситуацию в пользу будущего, нового и неизвестного, но дающего шанс «жить лучше».

Причин, которые вынуждают жителей Кабардино-Балкарии размышлять об отъезде, множество, но из них фиксируются респондентами как ключевые: коррупция правящих элит и проблемы безопасности. Более того, Кабардино-Балкарская Республика стала лидером по уровню нарушений прав человека среди трех республик, вошедших в данные исследования, значительно опередив Дагестан и Ингушетию.

Опрос выявил, кроме этого, крайний низкий уровень доверия практически ко всем ветвям власти. Так, жители Кабардино-Балкарии продемонстрировали одинаково низкий уровень доверия как к федеральной власти, так и к республиканским органам управления. Весьма любопытно и то, что на фоне низкого доверия к властям, кабардино-балкарское общество показывает довольно высокий уровень доверия к традиционным институтам – родовой

самоорганизации и духовному управлению мусульман.

Это, с одной стороны, свидетельствует о неэффективной деятельности органов власти, а с другой – как не парадоксально это звучит, о подрыве авторитета собственными усилиями. При этом главным дискредитирующим фактором, согласно опросу, является коррупция, которой пронизаны практически все сферы жизнедеятельности нынешней Кабардино-Балкарской республики.

Кирилл Шевченко

**Социокультурная и политическая
специфика Дагестана в отражении
социологических опросов**

Опрос общественного мнения, проведенный пражским информационным агентством «Medium-Orient» в Дагестане в мае - июне 2017 г., выявил ряд специфических социальных и политических особенностей данного кавказского региона и позволил выявить достаточно сложную и во многом неоднозначную социокультурную картину этой самой многочисленной и многонациональной республики российского Северного Кавказа. Всего в ходе исследования в Дагестане было опрошено 407 респондентов, представляющих аварцев, даргинцев, кумыков,

лезгин, лакцев, чеченцев и другие этнические общности, проживающие в современном Дагестане.

Отвечая на вопрос о том, в чем состоит самая актуальная проблема в Вашей республике, почти треть опрошенных - 29% - указали на проблему безопасности и преступности. Примечательно, что в соседних Ингушетии и Кабардино-Балкарии процент тех, кто считает проблему безопасности самой актуальной, оказался существенно ниже. Так, в Ингушетии это число составило 21,1% и в Кабардино-Балкарии - только 16,4%. Однако наибольшее число опрошенных в Дагестане - 39,8% - самой актуальной назвали коррупцию правящих элит. 17,7% респондентов в качестве главной указали социально-экономические проблемы. Достаточно большое число опрошенных (8,4%) отметили в качестве главной проблему в религиозной сфере и 1,2% респондентов - в сфере межэтнических отношений; при этом 3,9% затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, наибольшее число респондентов в Дагестане, как и в других северокавказских республиках, в качестве наиболее актуальной проблемы сейчас считают коррупцию элит, хотя длительное время первое место по актуальности в регионе занимали проблемы безопасности.

Отвечая на вопрос о том, как изменилось экономическое положение Вашей семьи за последние

12 месяцев, только 16,5% респондентов отметили, что положение улучшилось и 13,5% - «скорее улучшилось». Значительно большее число опрошенных - 37,3% - констатировали ухудшение экономического положения своей семьи и еще 27% отметили, что оно «скорее ухудшилось». Таким образом, общее улучшение экономического положения своей семьи отметили в целом 30% опрошенных, в то время как общее ухудшение констатировали 64,3% респондентов, т.е. более чем в два раза больше. Лишь 5,7% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в Ингушетии и в Кабардино-Балкарии значительно большая часть опрошенных, в отличие от Дагестана, отметила общее улучшение своего экономического положения за прошедший год. Так, в Ингушетии общее число тех, кто считает, что экономическое положение его семьи в целом улучшилось, составило 52,3% респондентов, в то время как число тех, кто констатировал общее ухудшение материального положения, составило 39,7% респондентов. Подобные результаты свидетельствуют о существенных социально-экономических различиях между отдельными северокавказскими республиками, что отражается на уровне жизни их населения.

Ответы на вопрос **«считаете ли Вы, что права человека в Вашей республике соблюдаются в полной мере?»**, выявили крайне высокую степень недовлетворенности населения соблюдением прав

человека в Дагестане. Так, лишь 12,3% считают, что права человека соблюдаются в полной мере и еще 12,8% - «скорее соблюдаются». Наибольшее число респондентов - 41,3% - заявило, что права человека в Дагестане не соблюдаются и еще 29,7% - «скорее не соблюдаются». Только 3,9% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, подавляющее большинство опрошенных в Дагестане - 71% - считает, что права человека в их республике в той или иной степени не соблюдаются и лишь 25,1% респондентов склоняются к мнению, что права человека в Дагестане в целом соблюдаются. Примечательно, что и в других республиках Северного Кавказа подавляющее большинство опрошенных продемонстрировало аналогичное мнение. Так, общее число тех, кто считает, что права человека в Кабардино-Балкарии в разной степени нарушаются, составило 73,5%.

Реакция респондентов на вопрос о том, «какие из прав и свобод человека соблюдаются в Вашей республике в меньшей степени», выявила наиболее проблемную ситуацию со свободой слова. Наибольшее количество дагестанских респондентов - 28,7% - отметило, что меньше всего в их республике соблюдается право на свободу слова, что, судя по всему, отражает крайне болезненную и проблемную ситуацию с независимыми средствами массовой информации в Дагестане. Второй наиболее проблемной сферой стало соблюдение избирательных прав населения. Так, 14% респондентов полагают, что в

наименьшей степени в Дагестане соблюдаются именно избирательные права граждан. Помимо этого, предметом озабоченности респондентов стало соблюдение права на жизнь (11,3%), соблюдение права на проведение публичных мероприятий (11,3%), право на свободу вероисповедования (8,4%) и право на получение информации (8,8%), что, безусловно, связано с соблюдением свободы слова. Меньшую обеспокоенность респондентов вызвало соблюдение права пользоваться родным языком (2,9%) и права свободно передвигаться по территории Российской Федерации (2,2%). Довольно значительное число опрошенных - 12,3% - затруднились с ответом на данный вопрос.

Примечательно, что в соседних Ингушетии и Кабардино-Балкарии наибольшее число опрошенных – не менее четверти всех респондентов - также выразило обеспокоенность по поводу состояния свободы слова в своих республиках. Это свидетельствует об общем крайне неблагоприятном положении в области независимых средств массовой информации на Северном Кавказе.

Ответы на вопрос о том, сталкивались ли Вы с проявлением коррупции в течение последнего года, выявили широкую распространенность коррупции в Дагестане. Так, подавляющее большинство опрошенных в Дагестане - 64,9% - заявило о том, что они сталкивались с проявлениями коррупции в течение последнего года. 31% респондентов ответили на

данный вопрос отрицательно и 4,2% затруднились с ответом на этот вопрос.

Отвечая на вопрос о том, в какой именно сфере Вы в большей степени сталкивались с проявлениями коррупции, респонденты чаще всего указывали на сферу здравоохранения, образование, а также правоохранительные органы. Так, 22,9% опрошенных указали, что чаще всего они сталкивались с коррупцией в учреждениях здравоохранения, 20,9% - в области образования и 9,3% - в правоохранительных органах (МВД). Еще 8,1% респондентов указали, что чаще всего с проявлениями коррупции они сталкивались в судебной сфере. В целом распределение ответов на данный вопрос в основном соответствует результатам более ранних социологических исследований в регионе, выявлявших в качестве наиболее коррумпированных структур на Северном Кавказе здравоохранение, образование и органы внутренних дел.

Ответы на вопрос о том, какую роль религия играет в Вашей жизни, выявили весьма важную роль религии в жизни дагестанского общества. Так, о большой роли религии в своей жизни заявили 65,6% опрошенных и «скорее большой» роли религии - 9,8% респондентов в Дагестане. При этом, полностью отрицали какую-либо роль религии в своей жизни лишь 10,6% респондентов. О том, что религия играет «незначительную роль» в их жизни заявили 12,8% опрошенных в Дагестане. Лишь 1,2%

респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, в общей сложности 75,4% респондентов, т.е. подавляющее большинство опрошенных в Дагестане, указало на значительную роль религии в их жизни, что значительно превышает число тех, кто, либо отрицает какую-либо роль религии (10,6%), либо считает ее незначительной (12,8%). Степень религиозности в Дагестане уступает степени религиозности в Ингушетии (около 98% ингушских респондентов считают роль религии важной или скорее важной), но значительно превышает степень религиозности в Кабардино-Балкарии (63,3% кабардино-балкарских респондентов считают роль религии важной или скорее важной).

Примечательно, что реакция респондентов на вопрос о том, соблюдаются ли права мусульман в Вашей республике, не выявила особенно острых проблем в данной области. О том, что права мусульман не соблюдаются или «скорее не соблюдаются» заявили соответственно 5,4% и 10,8% респондентов. Большинство опрошенных в Дагестане - 58% - полагают, что права мусульман в их республике соблюдаются и еще 21,9% считают, что права мусульман «скорее соблюдаются». Общее число тех, кто полагает, что права мусульман в целом соблюдаются, составило, таким образом, 79,9%, то есть подавляющее большинство опрошенных. Общее количество тех, кто, наоборот, считает, что права мусульман в Дагестане в целом не соблюдаются, составило лишь 16,2% респондентов. При этом, 3,9% опрошенных

не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Любопытно, что число тех, кто считает, что права мусульман в их республиках в целом соблюдаются, в Ингушетии и Кабардино-Балкарии также превысило 70%, что позволяет фиксировать факт того, что в северокавказском масштабе существующие проблемы в данной сфере пока не приобрели особой остроты.

Ответы респондентов на вопрос, «как Вы оцениваете политику федеральных властей в отношении мусульман России?» продемонстрировали в основном положительное или скорее положительное отношение населения к политике федерального центра в этой сфере. Так, однозначно положительно политику федеральных властей в отношении мусульман оценили 42,3% респондентов и «скорее положительно» - 31,2% опрошенных в Дагестане. Отрицательно к данной политике отнеслись всего 11,8% и «скорее отрицательно» - 5,7% дагестанских респондентов. Довольно значительное число опрошенных - 9,1% - затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в целом положительно оценил политику федерального центра в отношении мусульман, составило 73,5%, что значительно превышает число тех, кто в целом оценивает данную политику негативно (17,5%). Примечательно, что в целом позитивно политику федеральных властей в отношении мусульман также оценили респонденты в Ингушетии (62,2%) и в Кабардино-Балкарии (56,3%), хотя данный показатель в этих

республиках оказался существенно ниже, чем в Дагестане (73,5%).

Отвечая на вопрос, «как Вы оцениваете политику республиканских властей в отношении мусульман», большинство опрошенных в Дагестане в целом позитивно отзывалось о политике республиканских властей в данной области. Так, 48,9% респондентов оценили политику руководства Дагестана в отношении мусульман положительно и еще 24,1% - «скорее положительно». Отрицательную и «скорее отрицательную» оценку политике дагестанского руководства в данной области дали соответственно 11,1% и 8,8% опрошенных в Дагестане. Таким образом, общее количество оценивающих политику республиканского руководства в отношении мусульман в Дагестане в целом положительно составило 73%, что значительно превышает общее число тех, кто в целом оценивает данную политику отрицательно (19,9%). Более половины респондентов в Ингушетии и в Кабардино-Балкарии также в целом позитивно оценили политику руководства своих республик в отношении мусульман.

Почти четверть опрошенных в Дагестане заявила о своих планах покинуть республику и сменить место жительства. Отвечая на вопрос, «планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну или в другой регион России на длительное проживание», 17,9% опрошенных ответили на данный вопрос утвердительно и еще 4,7% заявили о

том, что они склоняются к отъезду из своей республики. Впрочем, подавляющее большинство респондентов - 65,6% - не планирует уезжать из Дагестана и еще 10,6% «скорее не планируют» покидать свою республику. Таким образом, общее число тех, кто, либо принял окончательное решение уехать из республики, либо склоняется к данному решению, составило 22,6%, т.е. почти четверть опрошенных, что представляет собой довольно высокую цифру. Подобные настроения свидетельствуют о достаточно высокой степени неудовлетворенности населения положением в республике.

Реакция респондентов на вопрос, «какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации», показала, что подавляющее большинство опрошенных - 60,7% - испытывают по этому поводу «гордость» и 21,6% - «спокойную уверенность». 10,3% респондентов указали, что они «не испытывают никаких чувств», 3,4% испытывают «ущемленность» и еще 2% - «обиду». Таким образом, в целом позитивные эмоции в связи с принадлежностью к своей национальности испытывают 82,3% респондентов в Дагестане; равнодушны по поводу своей национальной принадлежности 10,3% и ярко выраженные негативные эмоции в связи со своей национальностью испытывают всего 5,4% (чувства ущемленности и обиды). Похожее распределение ответов на данный вопрос было получено и в других северо-кавказских республиках. Так, в Ингушетии в целом

позитивные эмоции по поводу своей национальной принадлежности испытывают 81,7% респондентов.

Ответы на вопрос о том, «какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин России», показали, что 57,7% испытывают по этому поводу «гордость» и 15,7% - «спокойную уверенность». Никаких чувств по этому поводу не испытывают 19,4% респондентов; при этом 2,9% испытывают «ущемленность» и 2,2% - «обиду». 2% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, в целом позитивные эмоции по поводу российского гражданства испытывают 73,4%, в то время как негативные эмоции испытывают в общей сложности 5,1%. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что факт национальной принадлежности вызывает у респондентов больше позитивных эмоций, чем факт российского гражданства. Так, в целом позитивные эмоции в связи с национальной принадлежностью испытывают 82,3% опрошенных в Дагестане, в то время как в целом позитивные эмоции по поводу гражданства России испытывают 73,4% дагестанских респондентов.

Кроме того, население Дагестана отличается от других северокавказских республик более позитивным восприятием своей принадлежности к России. Так, если среди дагестанских респондентов в целом позитивные эмоции по поводу российского гражданства испытывают 73,4% опрошенных, то среди ингушских респондентов число испытывающих в

целом позитивные эмоции по поводу гражданства России не превысило 44,1%, а среди кабардино-балкарских респондентов – 59,3%. Любопытно и то, что о своем «чувстве гордости» в связи с принадлежностью к гражданству России заявили 57,7% дагестанских респондентов, 27,3% кабардино-балкарских респондентов и лишь 14,4% ингушских респондентов. Наименьшую степень гордости за свою принадлежность кроссийскому гражданству, таким образом, испытывают опрошенные в Ингушетии. При этом среди дагестанских респондентов негативные эмоции по поводу российского гражданства высказали лишь 5,1% опрошенных, среди ингушских респондентов негативные эмоции выразили 17,1%, а среди кабардино-балкарских респондентов – 10,5%.

Ответы дагестанских респондентов на вопрос о том, «гражданином какой страны Вы хотели бы быть», продемонстрировали, что 80,8% опрошенных в Дагестане предпочитают гражданство России, 10,3% - европейских стран, 3,2% - Турции, 2% - США и 0,7% - гражданство Грузии. Примечательно, что если 80,8% дагестанских респондентов предпочитают российское гражданство, то среди опрошенных в Ингушетии число предпочтитающих российское гражданство составило лишь 52%, а в Кабардино-Балкарии – 53,1%.

Уровень доверия населения Дагестана к разным социальным институтам: 42,8% не доверяют правозащитным организациям; 43,2% не доверяют

исламским религиозным общинам; 52,8% не доверяют полиции; 63,6% доверяют российской армии и 65,2% - президенту России.

Ответы опрошенных жителей Дагестана на вопрос о том, «насколько Вы доверяете русской православной церкви», выявили довольно низкий уровень доверия к данному социальному институту. Полностью доверяют и «скорее доверяют» русской православной церкви соответственно 9,1% и 9,8% опрошенных. Полностью не доверяют и «скорее не доверяют» русской православной церкви соответственно 21,9% и 13% респондентов. При этом, почти половина опрошенных - 46,2% - не смогла определить уровень своего доверия к русской православной церкви, по сути, воздержавшись по тем или иным причинам от ответа на данный вопрос. Таким образом, общее количество тех, кто в разной степени доверяет русской православной церкви, составило в Дагестане 18,9%, при этом число тех, кто склонен не доверять русской православной церкви, достигло 34,9%, что почти в два раза превышает число доверяющих данному социальному институту.

При этом, примечательно, что в соседних с Дагестаном северокавказских республиках количество не доверяющих русской православной церкви оказалось еще выше. Так, в Ингушетии общее число тех, кто в разной степени не доверяет русской православной церкви, составило 75,4%, а в Кабардино-

Балкарии – 41,4%. Уровень тех, кто в разной степени доверяет русской православной церкви, составил в Ингушетии лишь 5,5%, а в Кабардино-Балкарии – 24,5%, что несколько превысило аналогичный показатель в Дагестане (18,9%). Таким образом, самый низкий уровень доверия населения к русской православной церкви оказался среди населения Ингушетии.

Результаты опроса выявили, что уровень доверия населения к духовному управлению мусульман в Дагестане оказался существенно выше, чем уровень доверия к русской православной церкви. Так, 16,5% дагестанских респондентов полностью доверяют и 19,7% «скорее доверяют» республиканскому управлению мусульман; при этом, 19,7% полностью не доверяют и 16,5% - «скорее не доверяют» данному социальному институту. 27,8% респондентов не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, общее число в той или иной мере доверяющих духовному управлению мусульман в Дагестане составило 36,2%, в то время как общее число в разной степени не доверяющих данному институту также составило 36,2%, что дает основание констатировать определенную раздвоенность общественного мнения Дагестана по данному вопросу.

Отвечая на вопрос о том, «насколько Вы доверяете правозащитным организациям», 28,3% дагестанских респондентов отметило, что они полностью не доверяют, 14,5% - «скорее не доверяют»,

8,6% - полностью доверяют и 15,7% - «скорее доверяют». Общее число тех, кто в разной степени не доверяет правозащитным организациям, составило, таким образом, 42,8% опрошенных. Число тех, кто в той или иной мере склонен доверять правозащитным организациям, составило лишь 24,3%, что почти в два раза меньше числа не доверяющих данному социальному институту. Треть опрошенных - 32,9% - не смогла дать определенный ответ на данный вопрос.

Аналогичные результаты были получены и в других северокавказских республиках при ответах на данный вопрос. Так, общее число не доверяющих правозащитным организациям в Ингушетии составило 40,3%, тогда как число доверяющих правозащитным организациям в данной республике не превысило 31,8%. В Кабардино-Балкарии не доверяют правозащитным организациям в общей сложности 38,6% респондентов, а число тех, кто в разной степени доверяет данному социальному институту, составило 27,2%. В целом для северокавказских республик характерно довольно скептическое отношение к деятельности правозащитных организаций, что выразилось в заметном преобладании тех, кто склонен не доверять правозащитным организациям, над теми, кто в той или иной степени им доверяет.

Ответы на вопрос о том, «насколько Вы доверяете религиозным исламским общинам», показали, что среди дагестанских респондентов полностью не доверяют данным организациям 31,2% и «скорее не

доверяет» 12% респондентов. Полностью доверяют данным структурам 12,8% опрошенных и «скорее доверяют» еще 14,3%. Около трети опрошенных - 29,7% - затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто полностью или частично не доверяет исламским религиозным общинам в Дагестане, составило 43,2%. В то же время, число тех, что в разной степени доверяет данным организациям, составило 27,1%. Число не доверяющих исламским религиозным общинам в Дагестане, таким образом, существенно превысило число доверяющих данному социальному институту.

В отличие от Дагестана, степень доверия к данным структурам в Ингушетии оказалась существенно выше. Так, 53,8% ингушских респондентов в той или иной степени доверяют исламским религиозным организациям, в то время как лишь 20% им не доверяют. В Кабардино-Балкарии не доверяют исламским религиозным организациям в общей сложности 38,5%, в то время как доверяют 33,8%. Таким образом, если в Дагестане число не доверяющих исламским религиозным организациям существенно превысило число тех, кто им доверяет, то в Ингушетии, наоборот, число доверяющих исламским религиозным структурам намного превысило число тех, кто им не доверяет. В Кабардино-Балкарии количество не доверяющих данным организациям лишь ненамного превысило общее число тех, кто им доверяет.

Опрос выявил достаточно высокую степень доверия населения к традиционным социальным институтам в виде родов или тейпов. Отвечая на вопрос о том, «насколько Вы доверяете традиционным институтам (роду, тейпу)», 26% дагестанских респондентов отметили, что они доверяют полностью и 15% - «скорее доверяют». При этом 17% опрошенных данным институтам полностью не доверяют и 8,8% «скорее не доверяют». Ровно треть опрошенных - 33,2% - не смогли дать ответ на данный вопрос. Таким образом, число тех, кто в целом доверяет традиционным институтам, составило 41%, в то время как общее количество тех, кто полностью или частично не доверяет данным институтам, составило 25,8% опрошенных. Данные цифры свидетельствуют о том, что, хотя число доверяющих традиционным социальным институтам существенно превышает количество не доверяющих, авторитет данных институтов в дагестанском обществе нельзя считать доминирующим.

В отличие от Дагестана, общественные настроения в Ингушетии отличаются большим традиционализмом. Так, традиционным социальным институтам в виде рода или тейпа здесь в целом доверяют 54,9% респондентов, что существенно выше, чем в Дагестане (41%). В Кабардино-Балкарии количество тех, кто полностью или частично доверяет традиционным институтам, составило 53,8%, что также значительно превышает аналогичный показатель в Дагестане.

Ответы дагестанских респондентов на вопрос о том, насколько Вы доверяете Российской армии, выявили весьма высокий уровень доверия населения данному социальному институту. Так, о своем полном доверии Российской армии заявили 41,5% респондентов, еще 22,1% заявило о том, что они «скорее доверяют» Российской армии. Только 8,4% полностью не доверяют Российской армии и еще 5,9% ей «скорее не доверяют». 22,1% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос. Подавляющее большинство опрошенных - 63,6%, таким образом, заявили о том, что они в той или иной степени доверяют Российской армии, что намного превышает число тех, кто в различной степени ей не доверяет (14,3%). Примечательно, что по степени доверия Российской армии население Дагестана значительно опередило жителей Ингушетии, где Российской армии в той или иной степени доверяют 47,7% и население Кабардино-Балкарии, где о своем доверии Российской армии заявили 53,5% респондентов. Однако общей чертой северокавказских республик является то, что число тех, кто в целом доверяет Российской армии, здесь превышает количество тех, кто ей не доверяет.

В отличие от армии, уровень доверия к полиции в Дагестане оказался существенно ниже. Так, наибольшее число опрошенных - 40% - заявило о том, что они полностью не доверяют полиции и еще 12,8% ей «скорее не доверяют». Полностью доверяют полиции и «скорее доверяют» соответственно

только 10,1% и 17,7% респондентов. 19,4% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. В целом полиции не доверяют 52,8% опрошенных в Дагестане, что значительно больше, чем количество тех, кто ей в целом доверяет (27,8%). В Кабардино-Балкарии число тех, кто не доверяет полиции, составило 45,8%. В наибольшей степени полиции не доверяют жители Ингушетии (69,1%). При этом, во всех северокавказских республиках число тех, кто не доверяет полиции, существенно превысило количество тех, кто ей в той или иной степени доверяет.

Доверие к прокуратуре также оказалось на очень низком уровне. Полностью не доверяют прокуратуре 44% опрошенных в Дагестане; «скорее не доверяют» данному институту 15,2% респондентов. Полностью доверяют прокуратуре только 8,6% опрошенных и еще 12,3% ей «скорее доверяют». Почти пятая часть опрошенных - 19,9% - не смогла ответить на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто не доверяет прокуратуре, составило 59,2% респондентов; число тех, кто доверяет данному институту, составило лишь 20,9%, т.е. более чем в два раза меньше. Степень недоверия к прокуратуре в Ингушетии составила 73,8%, в Кабардино-Балкарии - 47,3%; при этом во всех северокавказских республиках число не доверяющих прокуратуре значительно превысило количество тех, кто ей доверяет. Столь низкий уровень доверия к полиции и прокуратуре объясняется, судя по всему, вы-

сокой степенью коррумпированности данных структур и растущим разочарованием населения в эффективности их деятельности.

Уровень доверия жителей Дагестана к прессе оказался также весьма низким. Так, 39,6% граждан, опрошенных в Дагестане, заявили о том, что они полностью не доверяют прессе и еще 18,9% прессе «скорее не доверяют». Полностью доверяют прессе лишь 7,6% и «скорее доверяют» 13,3%. Около пятой части всех опрошенных - 20,6% - не смогли дать определенный ответ на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в различной степени склонен доверять прессе, не превысило 20,9%, что оказалось намного меньше числа их оппонентов, которые в той или иной степени прессе не доверяют (58,5%). Количество тех, кто в той или иной степени не доверяет прессе, оказалось еще выше в Кабардино-Балкарии (61,8%) и в Ингушетии (68,7%), где число доверяющих прессе оказалось даже ниже, чем в Дагестане. Столь невысокая репутация прессы среди населения северокавказских республик отражает маргинальное положение независимой прессы в регионе и полную зависимость местных СМИ от властей.

Уровень доверия населения Дагестана к федеральному правительству оказался довольно низким. Полностью не доверяют федеральному правительству 35,4% опрошенных в Дагестане и «скорее не доверяют» еще 19,4%. О своем полном доверии к

федеральному правительству заявили лишь 8,8% респондентов; «скорее доверяют» данной структуре 12% дагестанцев, при этом, 24,3% не смогли дать ответ на данный вопрос. Общее число тех, кто в различной степени не доверяет федеральному правительству, составило 54,8%; количество тех, кто заявил о своем доверии правительству, составило только 20,8%, т.е. более чем в два раза меньше. Чуть более высокий уровень доверия федеральному правительству продемонстрировало население Кабардино-Балкарии, где федеральному правительству в целом не доверяют 41,1% респондентов, а доверяет 28,8% из числа опрошенных. Самый низкий уровень доверия федеральному правительству продемонстрировали жители Ингушетии, среди которых 55,5% в той или иной степени не доверяют правительству и только 15,5% ему доверяют.

Уровень доверия дагестанцев к собственному республиканскому правительству оказался даже ниже их уровня доверия федеральному правительству. Так, полностью не доверяют правительству республики 47,9% респондентов в Дагестане; 19,2% «скорее не доверяют» данному органу власти. Полностью доверяют правительству республики только 6,6%; о частичном доверии данному органу заявили 10,1% респондентов. Еще 16,2% не смогли ответить на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто не доверяет республиканскому правительству, составило 67,1%, что существенно превышает число не доверяющих федеральному правительству

(54,8%). Общее число тех, кто доверяет республиканскому правительству, составило лишь 16,7%, что оказалось несколько меньше числа тех дагестанских респондентов, которые доверяют федеральному правительству (20,8%). Весьма высокий уровень недоверия своему республиканскому правительству продемонстрировали также жители Ингушетии, где в той или иной степени правительству республики не доверяют 62,4% респондентов, и жители Кабардино-Балкарии, где своему правительству не склонны доверять 44,7% опрошенных. Однако наиболее высокий, даже критический уровень недоверия своему республиканскому правительству продемонстрировали именно жители Ингушетии.

Доверие населения Дагестана к своим муниципальным властям также оказалось на критически низкой отметке. 46,2% и 17,4% дагестанских респондентов соответственно полностью не доверяют или «скорее не доверяют» муниципальным властям. Полностью доверяют или «скорее доверяют» муниципальным властям соответственно только 8,4% и 6,9% опрошенных в Дагестане. 21,1% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Общее количество тех, кто не доверяет муниципальным властям, составило 63,6% респондентов; общее число тех, кто доверяет муниципальным властям, не превысило 15,3%. Население Ингушетии продемонстрировало еще большую степень недоверия своим муниципальным властям, о скептическом отноше-

нии к которым заявили 73,1% респондентов. В Кабардино-Балкарии уровень недоверия к муниципальным властям оказался существенно ниже, составив 48%. Однако во всех северокавказских республиках число тех, кто не доверяет муниципальным властям, существенно превысило число тех, кто им доверяет.

Уровень доверия населения Дагестана к политическим партиям также оказался крайне невысоким. Так, более трети опрошенных - 37,1% респондентов - заявили о своем полном недоверии к политическим партиям и еще 17,2% заявили о том, что партиям они «скорее не доверяют». Полностью и частично доверяют партиям соответственно 6,4% и 9,3% респондентов. Почти треть всех опрошенных - 30% - не смогли дать определенный ответ на поставленный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в той или иной степени не доверяет политическим партиям, составило 54,3%. Количество тех, кто так или иначе склонен доверять политическим партиям, не превысило 15,7% опрошенных. Степень недоверия к политическим партиям в соседних северокавказских республиках оказалась даже выше, чем в Дагестане. Так, в Кабардино-Балкарии количество не доверяющих политическим партиям составило 59,6%, а в Ингушетии число тех, кто не доверяет политическим партиям, достигло 75,6%, т.е. подавляющее большинство населения. Столь низкий уровень доверия к политическим партиям может рас-

сматриваться как индикатор общей разочарованности населения в существующей партийно-политической системе, которая воспринимается общественным мнением в регионе как маловлиятельный, коррумпированный и послушный придаток властных структур, не оказывающий серьезного влияния на социально-экономическую жизнь в северокавказских республиках.

Опрос выявил и критически низкий уровень доверия населения Дагестана к судебной системе в регионе. Почти половина дагестанских респондентов - 48,9% - полностью не доверяет судам и еще 13,3% «скорее не доверяют». Полностью доверяют судам лишь 3,7% дагестанских респондентов, что само по себе ярко характеризует отношение населения к судам и должно стать тревожным сигналом для судебной системы республики в целом. «Скорее доверяют» судам лишь 13,5% опрошенных. Таким образом, в целом судам не доверяют 62,2% респондентов в Дагестане, в то время как о доверии к судебной системе в республике заявили лишь 17,2% опрошенных. Общий уровень недоверия к судам в Кабардино-Балкарии оказался чуть ниже, чем в Дагестане, составив 51,6%. Наиболее высокая степень недоверия к судебной системе была выявлена в Ингушетии, где о своем полном или частичном недоверии к судам заявили 76,5% респондентов. Столь высокий уровень недоверия населения к судам является, судя по всему, результатом широко распространенной

коррумпированности и полной зависимости судов от властных структур в регионе.

Рекордно низким оказался и уровень доверия населения к республиканскому парламенту. Более половины всех опрошенных - 53,1% - заявила о своем полном недоверии к парламенту республики; 13% опрошенных парламенту «скорее не доверяют». Полностью доверяют парламенту республики и «скорее доверяют» соответственно только 6,6% и 6,4% респондентов; 20,9% затруднились с ответом на этот вопрос. В целом с недоверием к республиканскому парламенту относятся 66,1% опрошенных и только 13% заявили о своем доверии к данному органу власти. Аналогичные результаты были получены и в соседних северокавказских республиках. Так, в Ингушетии парламенту не доверяют 55,9% опрошенных; в Кабардино-Балкарии число тех, кто не доверяет парламенту республики, составило 47,3%. Во всех трех северокавказских республиках число тех, кто не доверяет республиканским парламентам, значительно превысило количество тех, кто доверяет данным органам власти.

Примечательно, что уровень доверия населения Дагестана к парламенту России оказался несколько выше, чем к парламенту республики. Так, полностью не доверяют российскому парламенту 29,5% опрошенных и «скорее не доверяют» 16,7%. Полностью доверяют и «скорее доверяют» данному органу власти соответственно 10,3% и 10,8% респондентов. Около трети опрошенных - 32,7% - не

смогли дать определенный ответ на данный вопрос. В общей сложности парламенту России не доверяют 46,2% респондентов в Дагестане и доверяют только 21,1%, в то время как парламенту республики не доверяют 66,1% и доверяют лишь 13% респондентов. Аналогичные цифры были получены и в других республиках Северного Кавказа. Большее доверие высшему законодательному органу России, очевидно, связано с тем, что он воспринимается населением, как более самостоятельная и влиятельная структура, имеющая, в отличие от республиканских парламентов, большее влияние на положение в стране и в самом северокавказском регионе.

Из всех властных структур наибольшим доверием населения Дагестана пользуется президент России. Так, 42,3% респондентов в Дагестане полностью доверяют президенту России и еще 22,9% ему «скорее доверяют». Полностью не доверяют президенту России 9,3% и «скорее не доверяют» 4,2%. 21,4% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос. Таким образом, общее число тех, кто в той или иной степени доверяет президенту России, составило 65,2%. Вместе с тем, общее число тех, кто не доверяет президенту России, составило лишь 13,5%.

Довольно высоким, хотя и меньшим, чем в Дагестане, уровень доверия к президенту России оказался в Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Так, в Ингушетии о своем полном или частичном доверии президенту России заявили 61,2% респондентов, в

Кабардино-Балкарии – 50,9%. Во всех северокавказских республиках число тех, кто доверяет президенту России, существенно превысило число тех, кто ему не доверяет. Причинами столь высокого уровня доверия президенту России, особенно выразительного на фоне крайне низкого уровня доверия к другим властным структурам, являются, судя по всему, тщательно проводимая российскими СМИ медийная кампания по выстраиванию позитивного имиджа президента, а также умение Путина и его имиджмейкеров использовать как внутриполитические, так и внешнеполитические факторы для усиления президентской популярности. Существенным фактором является и то, что личность российского президента не ассоциируется напрямую с многочисленными местными проблемами, ответственными за которые население считает в первую очередь региональные власти.

Если уровень доверия президенту России оказался рекордно высоким, то уровень доверия главе республики в Дагестане оказался рекордно низким. Так, полностью не доверяют главе своей республики 73,7% дагестанских респондентов, еще 6,6% ему «скорее не доверяют». О полном доверии главе республики заявило лишь 8,4% опрошенных, еще 4,7% ему «скорее доверяют». Не смогли ответить на данный вопрос 6,6% опрошенных. Таким образом, 80,3% дагестанских респондентов в целом не доверяют главе своей республики, что является своего рода антирекордом. В той или иной мере доверяют

главе Дагестана 13,1%. В отличие от Дагестана, уровень доверия главам республик в Ингушетии и Кабардино-Балкарии оказался существенно выше. Так, в Ингушетии президенту доверяет 21,8%, а в Кабардино-Балкарии - 40,4%.

Довольно низким оказался и уровень доверия к международным организациям. Так, 26% респондентов в Дагестане полностью не доверяют международным организациям и еще 17,4% им «скорее не доверяют». Полностью доверяют международным организациям 4,2% респондентов и «скорее доверяют» 10,8%. Почти половина опрошенных - 41,5% - затруднились с ответом на данный вопрос. Общее количество не доверяющих международным организациям составило 43,4%, что намного превысило число тех, кто в той или иной степени доверяет международным организациям (15%). Схожие результаты были получены и в других республиках Северного Кавказа.

Примечательно, что уровень доверия к ФСБ в Дагестане оказался несколько выше, чем к другим силовым структурам. О своем полном недоверии ФСБ заявили 30,5% опрошенных, 13% заявили о том, что ФСБ они «скорее не доверяют». Полностью доверяют ФСБ 15,7% и «скорее доверяют» 14,3%. 26,5% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, ФСБ в целом не доверяют 43,5% опрошенных; о своем доверии к данной силовой структуре заявили 30%. Наибольшее доверие к ФСБ продемонстрировали жители Кабардино-

Балкарии: если 36,3% респондентов в Кабардино-Балкарии заявили о своем общем недоверии к ФСБ, то 38,5% кабардино-балкарских респондентов указали, что в целом они доверяют этой структуре. Наименьшим уровенем доверия к ФСБ оказался в Ингушетии: 60,6% опрошенных здесь респондентов полностью и частично не доверяют ФСБ; о своем доверии к данной структуре заявило лишь 19,7% опрошенных.

Ответы дагестанских респондентов на вопрос, «как Вы думаете, каким образом в следующие 12 месяцев изменится Ваша жизнь и жизнь Вашей семьи - улучшится, ухудшится, или останется без изменений?» продемонстрировали высокий уровень фатализма и неопределенности в дагестанском обществе. Так, почти треть опрошенных - 29% - предложила ответить: «На все воля Всевышнего!»; более трети респондентов – 37,3% - полагает, что их жизнь останется без изменений. Только 16,7% респондентов ожидает, что их жизнь улучшится и 14,7% - ухудшится. Еще больший уровень фатализма и неопределенности в ожиданиях характерен для Ингушетии, где 50,6% респондентов предпочли полностью положиться на волю всевышнего; лишь 9,3% респондентов ожидает улучшения своей жизни и 9% - ухудшения. Наибольшими оптимистами оказались респонденты в Кабардино-Балкарии, где 29,1% опрошенных ожидают улучшения своего положения и только 4,4% - ухудшения.

Таким образом, опрос выявил ряд весьма важных проблемных аспектов в жизни современного Дагестана. Одной из наиболее острых проблем в республике является неблагоприятная ситуация в области соблюдения прав человека. Так, 71% респондентов в Дагестане полагают, что права человека в их республике не соблюдаются. Кроме того, крайне неблагоприятным является экономическое положение жителей Дагестана, об ухудшении которого за последний год заявили почти 65% опрошенных.

Недовольство жителей республики вызывает и высокая степень коррупции правящих элит, что, по мнению почти 40% респондентов, представляет собой самую актуальную проблему в их республике. Однако, несмотря на данные проблемы, население Дагестана в целом сохраняет достаточно высокую степень лояльности своему государству. Так, около 75% опрошенных дагестанцев выразили положительные эмоции в связи со своим российским гражданством, а более 80% указали, что они предпочитают гражданство России гражданству других стран.

Важной особенностью дагестанского общества является выявленный в ходе опроса крайне низкий уровень доверия к ряду институтов гражданского общества, включая прессу, политические партии и правозащитные организации. Весьма низким является также уровень доверия к властным структурам,

судам и правоохранительным органам; при этом федеральные структуры пользуются несколько большим доверием, чем республиканские структуры.

Заключение

Известный сербский мыслитель и писатель Иво Андрич, глубокий философ и свидетель двух мировых войн, размышляя о роли своей родной Боснии и Балкан в целом в европейской истории, как-то заметил, что болезни, зародившиеся на Балканах и имеющие, на первый взгляд, чисто региональные корни, часто распространялись на весь континент, стремительно приобретая общеевропейский масштаб. Подобно тому, как Балканы – по выражению У. Черчилля, «пороховую бочку Европы» – в известном смысле можно считать своеобразным универсальным термометром, указывающим на общее состояние здоровья Европы, Кавказ является не только концентрированным слепком общероссийских проблем, но и в значительной степени барометром, содержащим прогноз дальнейшего развития России в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Результаты масштабных социологических исследований населения Северного Кавказа в мае-июне 2017 года, проведенных пражским информационным агентством «Medium Orient», выявили огромное число серьезных проблемных узлов в социальном самочувствии жителей данного российского региона. Существенно при этом, что негативные настроения в основном доминировали при

оценке населением своего отношения к различным властным структурам – как республиканским, так и федеральным.

Опрос общественного мнения в северокавказских республиках показал, что в наибольшей степени население недовольно высоким уровнем коррупции, проблемным социально-экономическим положением и нарушениями основных прав и свобод. Так, примечательно в этой связи, что около 70% опрошенных в республиках Северного Кавказа, то есть подавляющее большинство, считают, что их основные права нарушаются.

Проблемы безопасности, социально-экономические проблемы и коррупция властей традиционно относятся к числу тех вопросов, которые население Северного Кавказа считает наиболее острыми. Однако в последние годы произошли некоторые движения и изменения в иерархии наиболее острых проблем Северного Кавказа. Так, если в 2005-2006 годах самыми злободневными для населения Северного Кавказа были социально-экономические проблемы (74,6%), за которыми выступали на втором плане проблемы безопасности (58,4%) и коррупция/ злоупотребления властей (30%),²⁴ то опрос, проведенный в мае-июне 2017 года выявил, что первым по остроте вопросом население склонно считать «коррупцию правящих элит» (34,1%). На втором и

²⁴ Текущев, И. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Прага, 2006. С. 6.

третьем месте по актуальности оказались социально-экономические проблемы (25,7%) и проблемы безопасности (22,9%). Таким образом, неудовлетворенность коррупцией в верхах стала в последнее время главным раздражителем для населения, уверенно вытеснив все остальные проблемы на второй план.

В ЧЕМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СОСТОИТ САМАЯ АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ?		
	2005-2006 годы (все северо- кавказские республики)	2017 год (Кабардино- Балкария, Ингушетия, Дагестан)
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	74,6%	25,7%
КОРРУПЦИЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ	30%	34,1%
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	58,4%	22,9%
РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА	6,1%	12,3%
МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СФЕРА	4,3%	1,3%
ЗАТРУДНЯЮСЬ С ОТВЕТОМ	0,3%	3,7%

Важным результатом опроса общественного мнения стало выявление того факта, что при общей

весьма низкой степени доверия властям в целом, большую часть вины за существующие проблемы население Северного Кавказа скорее склонно возлагать на республиканские, а не на федеральные власти. Это, в частности, проявилось в более высоком уровне доверия населения Северного Кавказа к федеральным структурам власти по сравнению с республиканскими властями. Примечательно, что к числу институтов власти, пользующихся самым высоким уровнем доверия населения, относятся президент России, которому доверяет 60% опрошенных, а также российская армия, о доверии к которой заявили 54,1% респондентов.

Если президенту России доверяют 60% опрошенных, то президентам северокавказских республик доверяют не более 23%, что, судя по всему, отражает уверенность населения в том, что за многочисленные проблемы на местах отвечают, прежде всего, республиканские власти и те, кто их непосредственно возглавляет. Другие властные структуры оказались еще менее популярны среди населения; при этом уровень доверия судебной системе и муниципальным властям достиг критически низкой отметки. Так, судам доверяет лишь 13% респондентов, республиканским правительствам – 17%, муниципальным властям – лишь 13,8% опрошенных.

НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ СЛЕДУЮЩИМ СТРУКТУРАМ ВЛАСТИ...

(МАЙ – ИЮНЬ 2017 г., Кабардино-Балкария, Ингушетия,
Дагестан)

	ДОВЕРЯЮ (%)	НЕ ДОВЕРЯЮ (%)
ПРЕЗИДЕНТУ РОССИИ	60	23,3
ПРЕЗИДЕНТУ ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ	23,3	56,6
ФЕДЕРАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ	20,8	51,6
ПРАВИТЕЛЬСТВУВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ	17	59,6
ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИИ	34,3	38,8
ПАРЛАМЕНТУ ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ	17,9	57,4
МУНИЦИПАЛЬНЫМ ВЛАСТЬЯМ	13,8	63,2
РОССИЙСКОЙ АРМИИ	54,1	25

Вместе с тем, данные социологического исследования продемонстрировали высокую степень разочарованности и критический уровень недоверия населения к основополагающим институтам гражданского общества, что, скорее всего, является закономерным следствием общей разочарованности, со-

циальной апатии и деморализации. Подобное скептически-негативное отношение населения к основным структурам гражданского общества является несколько неожиданным и проявляется в крайне низком доверии к политическим партиям (им доверяет лишь 11,4% респондентов), к средствам массовой информации (им доверяет лишь 14,8% респондентов), а также к правозащитным структурам и к международным организациям. К некоторым институтам гражданского общества – например, к политическим партиям – уровень доверия оказывается даже ниже, чем к основным властным и силовым структурам. Примечательно, что наибольшее доверие население продемонстрировало к таким традиционным институтам социальной самоорганизации на Северном Кавказе, как род или тейп, которым доверяют 49,5% опрошенных.

НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ СЛЕДУЮЩИМ ИНСТИТУТАМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА...

(МАЙ – ИЮНЬ 2017 г.)

(Кабардино-Балкарская Республика, Ингушетия, Дагестан)

	ДОВЕРЯЮ (%)	НЕ ДОВЕРЯЮ (%)
ДУХОВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ МУСУЛЬМАН ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ	45,7	26,2
ПРАВОЗАЩИТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ	28,1	40,7
ТРАДИЦИОННЫМ ИНСТИТУТАМ (РОДУ, ТЕЙПУ)	49,5	23,2
ПРЕССЕ	14,8	63,1
ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ	11,4	63,7
МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ	18,2	49,7

Закономерным следствием общей неудовлетворенности своим положением и результатом разочарования в институтах гражданского общества стал значительный рост религиозности среди населения. В этой связи примечательным представляется то обстоятельство, что подавляющее большинство опрошенных (81%) заявило, что религия занимает большое место в их жизни.

В целом итоги социологического опроса на Северном Кавказе подтверждают высказанную еще в

2006 году мысль о том, что «абсолютно порочный политический менеджмент на Северном Кавказе возник из сложного переплетения многих факторов. Среди них незрелость и бутафорность демократических институтов; упразднение лучшего и заимствование худшего из советской государственно-административной практики; игнорирование местной национально-культурной специфики; затянувшаяся смена политических поколений, в том числе из-за дефицита молодых высокопрофессиональных управленцев нового типа...».²⁵

При этом главную роль как в генерировании существующих проблем, так и в их решении играет именно власть. Приведенные в данной книге результаты социологических опросов могут служить убедительной иллюстрацией к мысли авторитетных экспертов о том, что «сейчас институт Власти является главным источником и катализатором социально-катастрофических тенденций... Власть и общество в России тяжело больны. На Северном Кавказе, ввиду его исторической и современной специфики, положение намного сложнее. Прежде чем власть не излечится сама, она не имеет права, да и попросту не сможет, лечить «паству».²⁶

Данный печальный диагноз состоянию власти на российском Северном Кавказе был поставлен более десятилетия назад. За прошедшее время, однако,

²⁵ Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 15.

²⁶ Там же. С. 55.

не произошло ничего такого, что свидетельствовало бы о постепенном процессе «излечения» власти и улучшения ее качества и эффективности. Скорее, процесс идет в прямо противоположном направлении. Власть и общество как в России в целом, так и на Северном Кавказе в частности, продолжают оставаться «тяжело больными». Приведенные результаты социологических опросов на Северном Кавказе – убедительное тому подтверждение.

Сведения об авторах

Текушев Ислам, журналист, социолог, директор информационного чешского агентства «Medium-Orient Information Agency», главный редактор сайта www.caucasustimes.com (Прага)

Шевченко Кирилл, доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала РГСУ в Минске

Чабиева Танзила, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЭА РАН (Москва)